

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КРЕЩЕНИЕ
ПУЛЕЙ

Максим Анатольевич Шахов
Крещение пулей
Серия «Полковник ФСБ
Виктор Логинов», книга 34

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744465
Максим Шахов. Крещение пулей: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57309-7

Аннотация

Полковник ФСБ Логинов получает не вполне обычное задание. Ему нужно вычислить и обезвредить группу боевиков с Западной Украины, которая готовит теракт против известного священника Русской православной церкви отца Вениамина. Но дело крайне осложняется тем, что Логинов не знает, кто именно из боевиков будет исполнять теракт. Значит, ему придется ждать, когда боевики обнаружат себя. Но когда это происходит, полковник понимает: ему противостоят не просто боевики, а матерые волки...

Максим Шахов

Крещение пулей¹

1

Украина, Львов, собор Святого Юра, резиденция предстоятеля УГКЦ

Телевизор в кабинете протосинкела отца Романа Кубийовича был настроен на «5-й канал», который транслировал в Украине выпуски новостей и передачи «Голоса Америки». Стоя на фоне весьма небольшой толпы, корреспондентка с пафосом проговорила:

– Сегодня в Вашингтоне предстоятель Украинской греко-католической церкви лично освятил место, на котором будет сооружен памятник жертвам Голодомора. На церемонии присутствовали многочисленные члены украинской диаспоры, а также представитель Госдепа и члены Сената. После церемонии предстоятель отправится в пасторскую поездку по США и Канаде...

На столе зажужжал селектор. Отключив с пульта звук телевизора, протосинкел нажал кнопку:

– Да!

– Панотче, к вам отец Василь, – проговорила Ганна.

– Проси!

В последнее время предстоятель УГКЦ практически не вылезал из-за океана. В связи с этим в Канаде для архиепископа даже было начато строительство резиденции. Как следствие, всеми текущими делами УГКЦ уже давно руководил протосинкел Роман Кубийович. А дела УГКЦ были, мягко говоря, неважными...

После поражения на выборах Ющенко церковь лишилась неприкрытой протекции государственных органов. В результате насильственно загнанные при помощи админресурса в УГКЦ священники вместе со своей паствой целыми приходами начали массово возвращаться в лоно Православной церкви. Причем эти приходы располагались в индустриально развитых и, как следствие, богатых регионах. Ввиду этого УГКЦ за последний год потеряла более половины своих финансовых поступлений. Ситуация была близка к катастрофической и при сохранении существующих тенденций грозила полным банкротством униатской церкви. Это, естественно, требовало принятия самых энергичных и экстренных мер, о чем отец Роман неустанно и неоднократно докладывал предстоятелю.

Но эти доклады оставались гласом вопиющего в пустыне. Заокеанская диаспора УГКЦ была не только весьма многочисленной, но и, в сравнении с украинской, весьма состоятельной. И жертвовала она не в катастрофически обесценивающейся украинской гривне, а в канадских и американских долларах. Так что лично предстоятель в своем заокеанском

житье-бытие никаких финансовых затруднений не испытывал. И у отца Романа в последнее время даже закралось подозрение, что после окончания строительства в Канаде архиепископ вообще перенесет свою резиденцию за океан – на постоянной основе...

– Разрешите, панотче? – проговорил, появившись в двери кабинета, отец Василь.

– Да, заходи! – кивнул протосинкел.

Отец Василь возглавлял комиссию УГКЦ по делам молодежи. Направившись к столу, он увидел на экране дающего блиц-интервью «Голосу Америки» предстоятеля и сказал:

– Панотца опять показывают по «Голосу Америки»...

– Да. Уже третий раз за сегодня... – кивнул протосинкел и выключил телевизор. – Садись. Что у нас...

В этот момент селектор на столе зажужжал снова.

– Панотче, на проводе апокризиарий из Рима.

– Соедини, – кивнул Кубийович, беря трубку.

Апокризиарий Стефан Хома был постоянным представителем УГКЦ при Ватикане. Поздоровавшись, он сказал:

– Панотче, у меня находится экононом посольства. У нас за два месяца до сих пор не оплачены счета телефонной и электрической компаний. Нас могут отключить...

– Я дал указание экономии перечислить вам деньги в первую очередь, так что ждите.

– Но...

– Ждите! Я больше ничего не могу сказать. Все, отец Сте-

фан, у меня важные дела.

Опустив трубку на аппарат, протосинкел вздохнул и посмотрел на отца Василя:

– Так что у нас с организацией молодежного апостолята?

Молодежным апостолятом именовалось движение, главной задачей которого было насаждение униатской веры в среде молодежи.

– Боюсь, мне особо нечем порадовать панотца, – опустил глаза отец Василь. – Наладить функционирование осэрэдков апостолята удалось только на Львовщине и Тернопольщине. За пределами западных областей сделать это пока не удастся. Мало того, у меня есть еще одна кепская новость для панотца. На москальский молодежный слет от Львовской области собирается поехать аж десять делегатов. Причем восемь из них – это студенты вузов. Так что москальская зараза докапалась уже и до нас. И как с ней бороться, панотче, я, честно говоря, уже и ума не приложу...

2

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

– Разрешите, товарищ генерал? – просунулся в дверь Логинов.

Замдиректора ФСБ сидел в своем кресле в очках и читал какой-то документ. Слева по другую сторону генеральского стола с папкой стояла чудная девушка в новенькой лейте-

нантской форме и кокетливо прищипленной к волосам новенькой пилотке. Это была одна из новоиспеченных выпускниц Академии ФСБ, которыми пару недель назад несколько разбавили аппарат канцелярии.

Прикрыв за собой дверь, Логинов сделал пару шагов и вытянулся:

– Товарищ генерал, полковник Логинов по вашему приказанию прибыл!

Замдиректора оторвался от документа и недоуменно моргнул на Виктора поверх очков. Но тут же сообразил, что тот ударился в официоз ввиду присутствия новой сотрудницы, и кивнул:

– Прошу садиться, полковник.

Усевшись за приставным столом напротив новой сотрудницы, Логинов мазнул по ней безразличным взглядом, после чего уставился в столешницу. Генерал закончил читать документ и расписался. Когда лейтенант после всех положенных уставных церемоний направилась к двери, Логинов наконец оторвался от столешницы и проводил ее взглядом до самой двери. Уже не безразличным, а самым что ни на есть заинтересованным.

– Гм-м... – подал голос замдиректора, когда сотрудница прикрыла за собой дверь. – Я тебе не мешаю?

– Никак нет, товарищ генерал, – с улыбкой повернулся Виктор.

– Ты хотя бы в моем кабинете на женские попки не тара-

щился!

– А на что мне еще тарашиться, товарищ генерал? Я же в вашем кабинете каждый миллиметр знаю...

– Так!.. Судя по всему, после ранения ты уже восстановился...

– Думаю, да.

– А что доктор думает?

– Доктор думает, что если так дальше пойдет дело, то я стану бессмертным.

– С чего это он так думает?

– Ну как? В этот раз мне заменили трубкой часть сосуда. В прошлый – еще какую-то хреновину вживили. И в позапрошлый тоже. Так по запчастям постепенно и обновят всего!

– Ага, теперь понял... Тогда, улучшенный полковник Логинов, ответь-ка мне на один вопрос. Ты в церкви давно был?

– В церкви?

– Это не тест и не уловка, так что можешь не тянуть время. Тем более что я же тебя тоже до миллиметра знаю. Как ты мой кабинет...

– А! Тогда в прошлом году, на крестинах, товарищ генерал. А зачем вы спрашиваете?

– Спрашиваю, Логинов, значит, надо! Задание у меня для тебя есть. По церковной, так сказать, линии...

– Так это ж не мой профиль...

– Ну извини! К сожалению, задания по линии женских попок у меня нет. Так что придется тебе как-то это пережить.

– Понял! Слушаю.

– Так... Значит, ты в церковной проблематике вообще ни в зуб ногой?

– Грешен, каюсь, – развел руками Виктор.

– И об отце Вениамине, настоятеле Свято-Воздвиженского монастыря, слыхом не слыхивал?

– Вообще.

– Ну, тогда посмотри для начала вот эту аналитическую справку, – замдиректора протянул Виктору тонкую папку. – А я пока сделаю пару звонков...

3

Россия, Вологодская область, озеро Лебяжье, Свято-Воздвиженский монастырь

Потрепанная черная «Лянча» сбросила скорость и свернула на подъездную дорогу. И тут же впереди открылся просто сказочный вид. Справа раскинулось огромное озеро в обрамлении величественных вековых елей. Вода в нем была не голубого, как в южных широтах, а восхитительного зеленоватого оттенка. Слева на круче, также в обрамлении вековых елей, словно бы парила в воздухе церковь. Ее позолоченные шпили и купола освещало скупое северное солнце. Но от этого они, казалось, сияли в темно-голубом небе еще ярче.

– Ну как вам, барышня? А? – покосился в зеркало Ипатий.

Его простоватое вологодское лицо светилось такой гордостью, словно и озеро, и вековой лес, и церковь были его рук делом.

– За дорогой следи, Ипатий! – рявкнула с заднего сиденья Анфиса. – Я тебя нанимала не как экскурсовода, а как водителя.

– Да я ж... – начал было Ипатий, однако под взглядом Анфисы оборвался на полуслове и быстренько отвел взгляд от зеркала на дорогу.

Ипатий был вологодским «бомбиллой», которого Анфиса наняла для поездки в Свято-Воздвиженский монастырь несколько часов назад прямо в аэропорту. Как положено, для начала Ипатий загнул «космическую» цену. По московским меркам, правда, она была вовсе не космической, а смешной, однако Анфиса тем не менее ловко опустила Ипатия на грешную землю, как она это умела.

С ее внешностью помыкать мужчинами было легко. Мать-природа одарила Анфису точеной фигурой, шикарней грудью и смазливый личиком. Так что большинство мужчин при ее виде автоматически впадали в ступор, начинали пускать слюни, параллельно испытывая фантомные видения вроде Афонии из одноименного фильма – как они, мужчины, приходят усталые с работы домой, где в избе их ждет Анфиса со взводом выстроенных по ранжиру детишек...

Однако Анфиса вообще была исключительно практичной особой, поскольку вдобавок к чисто женским достоинствам

мать-природа одарила ее еще и острым умом. Благодаря этому она сперва окончила с отличием Московский университет, а потом стала одной из самых читаемых светских журналисток. И, как следствие, получила приглашение в лучший российский таблоид «Звездапад». Все это – без какой-либо посторонней помощи и сомнительного спонсорства.

Так что в свои двадцать семь Анфиса Тучина была обеспеченной, независимой и шикарной во всех смыслах девушкой. Что, естественно, еще больше «шибало» по мужским мозгам. За последние годы ей несколько раз предлагали «избу» на выбор – на Рублевке, Лазурном берегу или в Ницце. Но Анфиса слишком ценила свою добытую собственными наманикюренными ручками независимость, чтобы променять ее на роль банальной наседки, пусть и в шикарных палатах. Поэтому все эти заманчивые предложения просто насмешливо отвергла.

И величественный вид, открывшийся впереди, также не слишком поразил ее. Вернее, поразил, однако Анфиса была на работе, поэтому просто начисто абстрагировалась от дивных северных красот и сосредоточилась на банальной инфраструктуре.

Подавшись вперед, она окинула взглядом подъездную дорогу, парковку и три пешеходные дорожки, ведущие к церкви. Потом быстро извлекла из просторной сумочки и включила свой айпад. В нем Анфиса сохранила найденную в Интернете электронную карту-схему Свято-Воздвиженского

монастыря. Быстро загрузив ее, пару раз посмотрела вперед и быстро сориентировалась, «привязав» карту к местности.

Как и большинство женщин, когда-то Анфиса страдала топографическим кретинизмом. То есть, войдя в дом, начисто теряла ориентацию в пространстве и уже не могла сказать, в какой стороне что находится на улице. Или, получив четкие и исчерпывающие инструкции, куда ехать на машине, чтобы добраться до дачи подруги, в конечном счете обязательно оказывалась в совсем другой стороне. Однако для хорошей журналистки светской хроники, работа которой зачастую требовала использования методов папарацци, это было серьезным профессиональным недостатком. И Анфиса, проявив недюжинную настойчивость, от своего «кретинизма» вскоре избавилась, так что теперь читала карты и схемы не хуже иного лазутчика.

– Так, Ипатий, – приказным тоном проговорила Анфиса, – станешь справа, со стороны озера. Уяснил?

– Ну да... А чего тут не ясно?

– Не знаю, – передернула плечиками Анфиса, повернувшись влево. – Но с вами, мужиками, всегда так. Все вроде ясно, но делаете наоборот...

– Ну так это ж смотря каков мужик. Ежли с царем в голове, так это одно, а ежли...

– Ипатий, тебя слишком много! Пощади мои ушные раковины, ладно?

– Ну так... – проговорил Ипатий и в растерянности умолк.

«Лянча» тем временем приблизилась к парковке перед церковью. На ней стояло около полутора десятков машин и два автобуса. Однако Анфиса смотрела влево, где за елями проглядывали стены древнего монастыря. Парившая в северном небе церковь была всего лишь частью монастырского комплекса на Лебязьем озере.

Правда, интересовал Анфису не сам монастырь, а кое-что другое. И вскоре она разглядела за елями у боковых ворот три черных внедорожника: два прямоугольных «Гелендвагена» и один здоровенный «Линкольн Навигатор». И тут же проговорила:

– Так-так... Отличненько!

– Что? – спросил Ипатий.

– Это я сама с собой... – мотнула головой Анфиса. – В темпе, Ипатий! Паркуйся быстрее!

– Понял! Так у озера ж, справа? – на всякий случай уточнил «бомбила».

– Да, за автобусами.

– Это мы запросто! – проговорил Ипатий. Проехав по парковке, он вильнул и остановился у самого бордюра. – Так?

– Отличная работа! – кивнула Анфиса. – А теперь, будь так любезен, принеси мне из багажника чемодан.

Ипатий заглушил двигатель и оглянулся:

– Чемодан?..

– Чемодан, – вздохнула Анфиса. – Это такая сумка, но в виде закругленного параллелепипеда...

Ипатий быстро выбрался. Анфиса тем временем упрятала айпад в свою просторную сумочку и оглянулась. На берегу озера перед церковью была благоустроена вроде как небольшая набережная. Возле нее в зеленой воде плавали четверо лебедей – пара белых и пара черных с казавшимися неестественно красными клювами. С набережной птиц кормили несколько человек с детьми.

– Пожалуйста! – распахнул дверцу мигом обернувшийся Ипатий.

– Клади! – кивнула Анфиса. – Спасибо.

– Да не за что...

Чемодан был небольшим, так что Анфиса без труда развернула его поперек заднего сиденья и открыла. Ипатий тем временем просунулся в водительскую дверцу и сказал:

– Ежли больше ничего не надо, то я стекло покамест от мошкары протру...

– Протри, Ипатий, протри, – кивнула Анфиса.

Мошкара и марафет съемной машины ее сейчас интересовали меньше всего. Прилетела она в джинсах, а они для посещения монастыря подходили не слишком – могли возникнуть проблемы насчет дресс-кода. Поэтому Анфиса прихватила из Москвы свою самую длинную юбку. Достав ее, она торопливо сняла пиджак, натянула юбку через голову и, приподнявшись на сиденье, опустила подол. Потом наклонилась, чтобы закатать штанины. Однако с этим вдруг возникла проблема. Низ штанин оказался слишком узким, так

что закатать их было невозможно.

– Черт! Надо было голубые надеть, – в сердцах проговорила Анфиса.

– Что?.. – подался к двери протиравший стекло Ипатий.

– Это я не тебе! – рыкнула Анфиса.

Быстро вынырнув из машины, она опустила юбку как можно ниже. Однако ее край все равно оказался выше щиколоток, не прикрыв штанин.

– Черт! – сказала Анфиса и снова нырнула в машину.

Там она решительно разулась, задрала юбку, вжикнула молнией и принялась стаскивать джинсы. И вдруг увидела лицо Ипатия, который буквально оцепенел за лобовым стеклом с приоткрытым ртом.

– Ипатий, твою мать! – взвизгнула Анфиса.

– Извиняюсь, барышня! – пробормотал Ипатий, сглотнув и быстро отвернувшись.

Журналистка стащила узкие джинсы и швырнула их в чемодан. Потом поспешно оправила юбку, обулась, подалась вперед и, глядя в зеркало над лобовым стеклом, повязала на голове темную косынку. Удовлетворенно хмыкнув, снова надела пиджак и вынырнула из «Лянчи», прихватив свою объемистую сумку. Когда она обогнула машину, Ипатий снова невольно оцепенел, прикипев к ней глазами:

– Ух ты!..

– Ипатий! – дважды щелкнула пальцами вроде невропатолога Анфиса. – Слюной истечешь мне вслед. А сейчас слу-

шай внимательно...

– Слушаю, барышня! – невольно вытянулся Ипатий, сжав тряпку в руке.

– Я не знаю, когда вернусь, поэтому, будь так любезен, находишься все время возле машины. Чтобы мы сразу уехали! Уяснил?

– Да...

– Ну, тогда все, – кивнула Анфиса, устремляясь к лестнице. – Я на тебя надеюсь. Не подведи, пожалуйста!

Застегнув по дороге пиджак, она быстро взбежала по каменным ступеням к калитке церковной ограды. Никакого охранника возле нее не было. Журналистка нырнула за ограду, миновала церковь и двинулась к входу в монастырь. И тут вдруг увидела съемочную группу. У старинных ворот стояла девушка с микрофоном и говорила, глядя в камеру:

– ...Мы находимся у Надвратной церкви Свято-Воздвиженского монастыря, являющегося одним из самых древних монастырей земли Русской. Как гласит предание, около шестисот пятидесяти лет назад звероловам, промышленявшим пушниной у Лебяжьего озера, стал раз за разом открываться на вековой ели образ Матери Божией. Прослышав об этом, преподобный Никодим, настоятель Успенской Тервенической церкви, отправился в эти места в надежде узреть лик. И во время молитвы на берегу озера услышал он глас Богородицы: «Тут уготовано ти место, в нем же возможеши спастися...» И тогда водрузил Никодим крест на склоне самого

высокого приозерного холма, выкопал келью и поставил часовню, положив тем самым начало славному Свято-Воздвиженскому монастырю, который вскоре превратился в один из духовных центров православия. Во времена Иоанна Грозного в монастыре насчитывалось более трехсот монахов. Из его стен вышли многие выдающиеся церковные деятели. Его лично посещали цари и наследники престола. Но шли годы, и монастырь пришел в упадок. В советское время в нем вообще разместили исправительную колонию-поселение для осужденных, совершивших преступления по неосторожности. Казалось, монастырь умер окончательно. Однако стараниями священника небольшой вологодской церкви отца Вениамина несколько лет назад святая обитель обрела новую жизнь. Как некогда преподобный Никодим, Вениамин оставил служение на теплом и насиженном месте и пришел на Лебяжье озеро, чтобы зажечь свет правды и добра. И вскоре потянулись на берег озера к Слову Божьему сначала окрестные жители, а потом и иноки, ищущие спасения душ. Так что стало Лебяжье озеро чем-то вроде горы Маковец, на которую некогда шли нескончаемым потоком люди со всей земли Русской к преподобному Сергию Радонежскому...

В первый момент, увидев съемочную группу, Анфиса невольно остановилась и чертыхнулась. Девушку с микрофоном – Катю Василевскую – она прекрасно знала, поскольку они вместе учились на журфаке МГУ. Само собой, что и Катя ее также неминуемо должна была узнать. А это в пла-

ны Анфисы не входило никак. Поэтому она быстро оглянулась по сторонам. Ей нужно было во что бы то ни стало проскользнуть мимо Кати незамеченной. Но дело было в том, что вход для посетителей на территорию монастыря был один. И как раз возле него расположилась съемочная группа.

Анфиса быстро отвернулась и двинулась к углу церкви, где достала из своей сумочки темные очки и надела их. Далее, глядя в сторону, обогнула съемочную группу справа и начала приближаться к воротам сбоку. И вскоре оказалась у цели.

– И случилось чудо, – говорила в камеру Катя. – Пришедший в упадок и запустение монастырь буквально за несколько лет возродился. И теперь, как вы видите, – она подняла руку, повернувшись влево, – его... – В этот самый момент Василевская вдруг увидела крадущуюся к воротам Анфису, мгновенно ее узнала и, не сдержавшись, воскликнула: – Анфиса! Ты?!

– Черт... – вздохнула Анфиса и, сдернув очки, изобразила радостную улыбку: – Здравствуй, Кать!

– В чем дело, Екатерина? – донесся от камеры нервный мужской голос.

– Секунду, Влад! – сделала извиняющийся жест рукой Василевская. – Мне нужен небольшой перерыв.

– Но мы и так от графика отстаем!

– Мы нагоним, Влад, обещаю! – улыбнулась обезоруживающей улыбкой через плечо Катя. – Возьмите микрофон кто-

нибудь.

Ткнув микрофон подскочившей девушке, Василевская шагнула с раскрытыми объятиями к Анфисе:

– Ну, ты, мать, и вырядилась!

– Я старалась, но не помогло, – негромко сказала Анфиса, изображая ритуальное женское объятие. – Для «Культуры» снимаете?

– Для нее, родимой, – кивнула Катя.

– А кто сей юноша пунцовый, что пытается аннигилировать тебя взглядом горящим? – еще больше понизив голос, спросила Анфиса.

– Да исполнительный продюсер, кто ж еще? – так же тихо ответила Катя. – А ты-то тут какими судьбами? Только не говори, что ударилась в веру, все равно не поверю... Стоп! Ты сюда по душу Стаховского заявила, верно? – догадалась сама Василевская. – Мы его кортеж у служебного въезда видели...

– Тс-с... – прошипела Анфиса. – Это сверхсекретное задание!

– Все, молчу-молчу! Так ты тут на сколько? Давай вечером встретимся, а то в этой провинции скука смертная...

– Я бы с радостью, Кать, но сегодня же и улетаю. Давай в Москве созвонимся, как вернешься.

– Понятно, – улыбнулась Василевская. – Жареные новости нужно подавать горячими.

– Ты умничка, – сказала Анфиса, изображая поцелуй. –

До скорого. И, пожалуйста, не выдай меня!

– Не бойсь, мать, не выдам даже под пытками!

– Ну, тогда пока, – махнула рукой Анфиса. – Не заплесневей тут!

– Постараюсь. Удачи! – подняла руку в ответ Катя.

Анфиса нырнула в монастырские ворота, спрятав в сумку очки. У ворот также не было никакой охраны, только стояла большая металлическая урна для жертвоприношений в пользу возрождения обители. Анфиса быстро миновала ее и огляделась. Справа она увидела беседку, к которой выстроилась небольшая очередь. Там была расположена одна из святынь монастыря – камень якобы с отпечатком длани самого преподобного Никодима. Согласно православному поверью, возложив на него руку, можно было загадать сокровенное желание, которое, в случае жизни праведной, должно было со временем обязательно сбыться.

Однако Анфису интересовала другая достопримечательность – тоже беседка, но не с камнем, а та, в которой Никодим, согласно тому же преданию, принимал для душеспасительных бесед местных жителей, а также иноков и странников, приходивших к нему из самых отдаленных мест. Оригинальная постройка, конечно, не уцелела, но на ее месте была отстроена точно такая же. И теперь в ней трижды в неделю душеспасительные беседы вел нынешний настоятель отец Вениамин. Сегодня у него вообще-то был неприятный день, однако Анфиса была уверена, что Стаховский, кортеж

которого находился у служебных ворот монастыря, приехал на Лебяжье озеро вовсе не ради банальной экскурсии. И что отец Вениамин обязательно сделает для олигарха исключение.

Согласно карте-схеме, которую журналистка тщательно изучила в самолете, вторая беседка должна была находиться в глубине территории монастыря – между Трапезной палатой, Поваренным флигелем и Хлебной башней. И Анфиса направилась туда. Дважды свернув, она наконец увидела впереди нечто вроде просторного, но уютного внутреннего двора монастыря. В нем в изобилии росли молодые ели. И за их верхушками Анфиса сразу заметила купол деревянной беседки.

– Так! – негромко проговорила она, оглядывая двор.

Ей нужно было выбрать укромное место, но тут слева вдруг появился служитель монастыря. Анфиса сделала вид, что рассматривает древнее здание Трапезной. Но эта уловка не сработала. Служитель, подойдя к ней, сказал:

– Прошу прощения, но сегодня эта часть монастыря закрыта для посетителей.

– Я понимаю, – кивнула Анфиса, воззрясь на служителя своим самым проникновенным взглядом. – Но я только хотела посмотреть немного. Из самой Москвы ехала к вам. Почти сутки на поезде...

На этом месте мужчины под взглядом Анфисы обычно истаявали, как свечной воск, и позволяли ей нарушать все мыс-

лимые и немислимые правила и запреты. Однако служитель к чарам оказался абсолютно невосприимчив.

– Прошу прощения, но, к огромному сожалению, сегодня это невозможно, – твердо проговорил он.

– Да, конечно, – вздохнула Анфиса. Когда требовалось, она умела быть гибкой.

Еще раз вздохнув, журналистка напоследок еще раз окинула двор взглядом и развернулась. Конечно, это было просто тактическое отступление. Анфиса не затем сломя голову прилетела из Москвы, чтобы спасовать, тем более что материал, ради которого она тут появилась, обещал стать настоящей бомбой.

Олигарх Стаховский владел несколькими крупными предприятиями на севере страны, а также тремя известными банками. В политику он не лез, зато имел славу российского плейбоя номер один. Его спутницами в разное время становились модели, теннисистки, телеведущие, а также другие звездные девушки. Как следствие столь бурной личной жизни, периодически возникали скандалы. То очередная экс-пассия Стаховского на каком-то светском мероприятии вцеплялась в волосы очередной нынешней, то другая отправленная в отставку экс-фаворитка подавала на олигарха в суд, причем во Франции... Одним словом, Стаховский долгое время и по праву был постоянным и неизменным фигурантом колонок светской хроники и крикливых передовиц желтой прессы. Как вдруг примерно полгода назад случайно

познакомился и начал встречаться с обычной стюардессой, а потом и вовсе скоропалительно обручился с ней. Мало того, вскоре стало известно, что невеста олигарха беременна.

Все пришли к выводу, что «этот жеребец уже оседлан». Но вместо ожидаемого хеппи-энда грянул новый грандиозный скандал. Свадьба, которая должна была пройти в узком кругу в Ницце, неожиданно расстроилась, причем самым невероятным образом. Беременная невеста буквально сбежала от Стаховского к французскому уличному художнику, с которым познакомилась на Монмартре.

Случившееся, естественно, вызвало в прессе огромный резонанс. Поначалу таблоиды даже предположили, что беременна стюардесса была вовсе не от Стаховского, а от художника, связь с которым просто скрывала. Однако французские папарацци, проведя тщательное расследование, достоверно установили, что это не так.

Скандал превратил олигарха во вселенское посмешище. О богаче, из-под венца с которым невеста сбежала к бедному художнику, не писал только ленивый. В инете даже появилась новая версия знаменитой песни Пугачевой «Жил-был художник один».

От души позлорадствовав, обозреватели светской хроники принялись наперебой выдвигать версии, как Стаховский выберется из этой унижительной ситуации – уйдет ли, по старой русской традиции, в спасительный запой-загул с проститутками и цыганами, экстренно ли обзаведется очеред-

ной звездной подругой или же все-таки попытается через непредсказуемый французский суд отсудить у сбежавшей невесты опеку над будущим ребенком. Однако все эти предположения оказались ошибочными. Стаховский не предпринял ничего из перечисленного. Он просто ушел в работу, практически перестав показываться на публике. Таблоиды с желтой прессой по инерции еще некоторое время помусолили его имя, но потом постепенно утратили интерес к персоне олигарха, поскольку никаких новостей своим нынешним образом жизни Стаховский им попросту не предоставлял.

И вот вчера поздно вечером Анфисе вдруг позвонил давно прикормленный информатор из аэропорта и сообщил, что на сегодня Стаховский запланировал вылет на личном самолете в Вологду и обратно. Эту новость Анфиса немедленно сообщила своему шефу – владельцу и шеф-редактору «Звездопада» Корнею Фалютину. А тот по своим каналам оперативно установил, что целью Стаховского является посещение Свято-Воздвиженского монастыря, ставшего в последнее время местом паломничества верующих.

Остальное додумать было совсем несложно. Поэтому Анфиса спешно вылетела в Вологду и теперь была просто обязана раздобыть эксклюзивные подробности столь неожиданного и, судя по всему, скоропалительного визита олигарха.

Окинув в последний раз взглядом внутренний двор монастыря, она развернулась и двинулась назад – медленно и неспешно, вроде как впитывая в себя суровое благочестие

святой обители. На самом деле Анфиса усыпляла бдительность служителя, а заодно высматривала новый путь.

Ни разу не оглянувшись, журналистка свернула за угол Трапезной палаты и двинулась вдоль нее. План «б» родился у нее при осмотре внутреннего двора монастыря. В его дальнем правом углу Анфиса узрела арку между Трапезной палатой и Поваренным флигелем и теперь собиралась попытаться просочиться к беседке именно через нее. Для этого нужно было просто обогнуть Трапезную палату. Но, свернув вскоре за следующий угол, Анфиса обнаружила, что проход перегороден решетчатой оградой. Причем довольно высокой. Но это девушку, конечно, не остановило.

Ограда располагалась за высокими кустами. Анфиса вроде как в задумчивости продефилировала вдоль них, а потом, улучив момент, незаметно нырнула в кусты и выглянула на другую сторону. За оградой, судя по увиденному, располагался хозяйственный двор монастыря. Вдали у низкой постройки что-то пронесли двое монахов. А потом неожиданно распахнулась дверь в Трапезной палате. Анфиса тотчас присела. Из двери на невысокое крылечко вынырнул еще один монах. Сбежав по ступеням вниз, он что-то выбросил в контейнер и тотчас вернулся. Когда дверь за ним закрылась, Анфиса снова высунулась и пристально оглядела ограду. В ней имелась калитка, однако она была заперта.

Зато в другой стороне, неподалеку от стены Трапезной палаты, росло разлогое лиственное дерево. В ботанике Анфиса

была не сильна, поэтому определить его вид не смогла. Но при этом практически мгновенно сообразила, как использовать растение в своих целях.

Оглянувшись, она стартовала и стремительной перебежкой приблизилась к дереву, после чего ловко на него вскарабкалась. Для поддержания товарного вида и спортивной формы большинство ее знакомых девушек занималось фитнесом, остальные – пилатесом. Анфиса же предпочла айкидо – и достигла в этом непростом виде единоборств определенных высот. С учетом этого форсировать препятствие в виде забора оказалось для нее не таким уж сложным делом. Оказавшись на дереве, она поправила съехавшую с плеча сумку, после чего сделала несколько быстрых шагов по толстой ветке, свисавшей через забор на другую сторону. Миновав таким образом препятствие, тотчас присела, продолжая держаться одной рукой за верхнюю ветку, и тут же ловко спрыгнула, мягко приземлившись на землю. Сразу же вскочив, двинулась прочь от забора. На ее счастье, окна Трапезной палаты в современном понимании были вовсе не окнами, а бойницами. Поэтому располагались они высоко, и увидеть через них идущую вдоль стены Анфису не было никакой возможности. В глубине территории, у хозяйственных построек, пока никого не было.

Воспользовавшись этим, Анфиса миновала самую опасную открытую часть хоздвора и торопливо приблизилась к высаженным в ряд молодым елям и продолжила путь уже

вдоль них. Вскоре после этого она услышала звук шагов. Быстро присев, нырнула под ели и осторожно выглянула.

Оказалось, что это возвращались двое монахов, которых Анфиса наблюдала из-за забора. Дождавшись, пока они скрылись из виду за приземистой постройкой, лазутчица двинулась дальше вдоль елей и вскоре оказалась неподалеку от дальнего угла Трапезной палаты. Здесь она снова огляделась, после чего совершила еще одну быструю перебежку и благополучно нырнула за угол в арку. И тут же из ее груди вырвался невольный вздох разочарования. Арка оказалась перегорожена решетчатым забором, и калитка в нем была заперта.

Впрочем, прокравшись вдоль стены арки к забору, Анфиса мгновенно позабыла о своем разочаровании, поскольку вдруг обнаружила, что от забора через просвет между растущими во дворе молодыми елями открывается неплохой вид на беседку преподобного Никодима. Расстояние, правда, было приличным – около семидесяти метров, но как раз это было несущественно.

Анфиса подалась назад и быстро открыла свою сумку. Из нее она извлекла тридцатисантиметровую трубку и небольшую тарелку с отверстием посередине. Быстро надев тарелку на трубку, зафиксировала ее, после чего присоединила к трубке ручку, напоминавшую пистолетную. В ней были не патроны, а блок питания. С другой стороны трубка имела встроенный микрофон. Вместе же собранная конструкция

представляла собой компактное устройство для дистанционного съема звуков. Или, в просторечии, направленный микрофон.

4

Украина, Львов, собор Святого Юра, резиденция предстоятеля УГКЦ

Когда отец Василь вышел, протосинкел со вздохом провел рукой по лицу и устался в угол своего кабинета. Однако подумать ему не удалось. На столе снова зажужжал селектор. Еще год назад этот звук вызывал у протосинкела самые положительные эмоции, поскольку за ним неизменно следовал голос Ганны – чуть низковатый и многообещающий... Но за последний год секретарь изрядно поднадоела протосинкелу и уже не вызывала того свежего, как утренняя роса, чувства. Плюс теперь практически каждый раз за жужжанием селектора следовал разговор о деньгах. Деньги, деньги, деньги... Оказалось, что славить Господа и размышлять о вере можно только тогда, когда есть деньги. Как только их не стало, вера отошла на второй план.

– Да! – со вздохом произнес протосинкел, ткнув пальцем в кнопку селектора.

– Панотче, на проводе опять апокризиарий из Рима.

– Я занят, – отрезал отец Роман.

– Но он говорит, что это срочно! Иначе он будет вынужден

позвонить лично архиепископу...

– Ладно, соедини, – скривившись, словно от зубной боли, сказал отец Роман и снял трубку: – Да!

– Панотче, у меня в приемной представитель электрической компании. Он пришел с рабочими, чтобы отключить...

– Так, а что ты хочешь от меня? Я же тебе уже сказал: экономия получила указание в первую очередь перечислить деньги тебе! Что я еще могу сделать? Напечатать тебе фальшивые евро?

– Но они сейчас реально отключат нас от...

– Ну так придумай что-нибудь, Стефан, черт бы тебя побрал! В Италии миллион с гаком заробитчан из Украины, и каждый зарабатывает минимум по тысяче евро! В конце концов, заложи «Мазератти» своей Мавки, пусть пока поедит на «Альфа-Ромео».

– Что?.. – невольно сглотнул в трубке апокризиарий.

– То, что слышал! – отрезал отец Роман. – И больше не отрывай меня. Я делаю все, что могу. Как только появятся деньги, их сразу перечислят. Все!

Швырнув трубку на аппарат, протосинкел облокотился правой рукой на стол, прикрыв рукой лицо. Пару секунд спустя дверь тихонько открылась. Кубийович, не отнимая руки от лица, слегка раздвинул пальцы. В кабинет, держа в руках старинный поднос, нырнула Ганна. Это была молодая дивчина с формами, которым могла бы позавидовать не одна фотомоделль. Правда, эти формы были скрыты платьем самого

консервативного покроя, но от этого казались только еще более манящими.

– Я принесла панотцу кофе! – улыбнулась уголками рта секретарша и направилась к столу, грациозно покачивая бедрами.

Отец Роман продолжил сидеть в прежней позе. Ганна обошла стол и, остановившись сбоку, поставила на стол протосинкела чашку на блюдце. Запах кофе приятно защекотал ноздри отца Романа, и тот, невольно втянув носом, вздохнул. Ганна отступила и беззвучно поставила поднос на деревянное бюро, после чего легонько коснулась пальцами шеи протосинкела.

– Сделать панотцу массаж? – проговорила она своим низким голосом.

– Не сейчас, Ганна, – не оглядываясь, покачал головой Кубийович. – Мне нужно подумать.

– Как скажет панотец, – секретарша тут же сняла руки с шеи отца Романа.

Взяв с бюро поднос, она направилась на выход. И протосинкел впервые подумал, что от Ганны нужно как-то избавляться. А это означало еще одну проблему...

– Меня нет! – сказал вслед секретарше отец Роман.

– Я поняла, панотче, – кивнула Ганна, на миг остановившись в двери.

Сказано это было со скрытым сарказмом. И отец Роман осознал, что Ганна все прекрасно понимает, так что теперь

в приемной будет сидеть не прежняя ласковая кошечка, а разъяренная пума...

– О господи! – невольно вздохнул протосинкел, сжав рукой переносицу.

Единственным светлым пятном в сегодняшнем дне была ароматно пахнущая чашка кофе. При условии, конечно, что Ганна не подсыпала в нее цианистого калия или крысиного яда. Впрочем, насчет этой чашки отец Роман мог быть еще спокоен. Поэтому он тут же потянулся к ней и поднес к носу, прикрыв глаза и блаженно втянув ни с чем не сравнимый запах. В тот самый момент, когда он собрался уже отхлебнуть, селектор снова зажужжал. От мгновенно охватившего его раздражения отец Роман невольно дернулся и пролил кофе.

– Дьявол! – вздохнул он, поспешно ставя чашку на блюдце.

Чертова Ганна унесла поднос вместе с салфеткой, так что протосинкелу пришлось сперва провести по подбородку рукой, а потом уже достать носовой платок. Утершись, он наклонился к селектору и ткнул пальцем в кнопку:

– Я же сказал, что меня нет!

– Я, панотче, сказала об этом судебному викарию трижды. Но он не стал меня слушать и уже входит! – с явным злорадством проговорила Ганна, тут же отключившись.

Одновременно на пороге кабинета протосинкела возник судебный викарий отец Иван Дутчак.

– Отец Иван! – рывкнул было протосинкел, однако тут же осекся.

Викарий дышал так, как будто за ним гналась стая энкавэдистов с собаками. Прикрыв дверь, он оглянулся через плечо и сказал хриплым шепотом:

– Панотче, у меня очень кепская новость. Мушу вам доложить ее незамедлительно!

– Что еще случилось? – напрягся протосинкел, поскольку вид отца Ивана говорил сам за себя.

– Думаю, вы маете взглянуть на это сами, – выдохнул викарий и, быстро приблизившись к столу протосинкела, сперва снова оглянулся и только потом, приоткрыв зажатую в руке папку, извлек из нее и быстро протянул через стол лист бумаги.

Отец Роман одной рукой торопливо отер платком кофе на столешнице, другой рукой взял протянутый лист, после чего прикипел к тексту глазами. На листе, поданном через стол судебным викарием, было заявление в церковный суд, написанное лично Мирославой Смогоржевской. Львов издавна славился своими кофе и шоколадом. А Смогоржевская была его «шоколадной принцессой». Правда, прежде чем стать ею, она была просто подругой одного из самых известных львовских бандитов. Как водится, в конце концов того убили, однако уже на закате бандитской эпохи. Случись это на несколько лет раньше, дружки и конкуренты убитого обратили бы Мирославу до нитки. Но на тот момент они в боль-

шинстве своем уже сами упокоились – кто на знаменитом Лычаковском кладбище, а кто в безымянных лесных могилах. Так что тотальной экспроприации Смогоржевская избежала, хотя, по слухам, и рассталась с немалой частью средств в пользу доблестной львовской милиции. В любом случае оставшейся частью она распорядилась вполне разумно и теперь была владелицей процветающего шоколадного бизнеса.

Обретя статус «шоколадной принцессы» Львова, Смогоржевская, естественно, должна была печься о своем слегка подпорченном имидже. Что и привело ее в лоно УГКЦ. Само собой, что церковь приняла Смогоржевскую с распростертыми объятиями, получив взамен весьма щедрую прихожанку. В настоящий момент Смогоржевская была одним из главных спонсоров восстановления старинного собора, прежде служившего книгохранилищем научной библиотеки. Правда, этим благотворительная деятельность пани Мирославы отнюдь не ограничивалась. Она также спонсировала и деятелей искусства, которые собирались в принадлежащем ей арт-кафе. В настоящий момент объектом спонсорства Смогоржевский был не слишком известный, зато весьма пригожий собой художник Юрко Шкумбатюк. По слухам, он был то ли на шестнадцать, то ли на семнадцать лет моложе пани Мирославы.

И именно с Юрко был связан недавний весьма неприятный инцидент. На «Мерседесе», принадлежащем Смогоржевской, Шкумбатюк в пьяном виде совершил наезд на пе-

пешехода, после чего скрылся с места происшествия, а «Мерседес» бросил. Впрочем, найти Шкумбатьюка милиции особого труда не составило. Буквально час спустя беглец был задержан при попытке прокрасться к «шоколадному замку» Смогоржевской на окраине Львова.

В настоящее время художник находился под арестом во львовской «буцегарне». Но при этом его перспективы были не так уж печальны. Пострадавший при наезде пешеход стараниями Смогоржевской быстро шел на поправку и уже кардинально изменил свои первоначальные показания, заявив следствию, что просто споткнулся и потерял равновесие, из-за чего фактически сам упал под «Мерседес». А также то, что за рулем машины был точно не Шкумбатьюк. Правда, эти показания не соответствовали данным экспертиз, но все понимали, что и эти юридические нюансы при наличии средств вполне разрешимы...

Все это разом промелькнуло в голове протосинкела, едва он увидел, от кого поступило заявление. Углубившись же в его суть, отец Роман невольно сглотнул и проговорил:

– Вот же скотина!..

После чего потянулся к чашке и одним глотком выпил кофе. Тот не успел остыть, однако отец Роман находился в таком возбуждении, что даже не почувствовал этого. Со звоном опустив чашку на блюдце, он дочитал заявление до конца, после чего быстро посмотрел на отца Ивана.

Тот стоял по другую сторону стола, нервно пожимая папку

руками. Судебный викарий был уже далеко не молод, но при этом к службе относился с воистину юношеским рвением.

– Садитесь, отец! – спохватился протосинкел.

– Спасибо, панотче, – кивнул отец Иван. – Но я лучше постою.

– Кто еще знает об этом? – кивнул на заявление Кубийович. – Судовый секретарь, нотар?

– Никто, панотче! Когда мне доложили, я принял пани сам... А потом сразу к вам.

– Вы очень правильно сделали, отец Иван... Так, а пани уехала?

– Да, панотче! Сразу. Но перед этим сказала, что дает нам сутки. Если мы не разберемся сами, она обратится в милицию.

– Так... Понятно! – заметно успокоился протосинкел. – Я, отец Иван, разберусь с этим сам. Лично! Надеюсь, никаких следов в регистрационных книгах...

– Боже упаси, панотче! Я же сразу, как только...

– Хорошо. Я просто уточнил, – кивнул Кубийович, в задумчивости прижав ко рту сжатый кулак. – Еще раз спасибо, отец Иван. Теперь мне нужно побыть одному...

Судебный викарий, пройдя к двери, быстро оглянулся на протосинкела, однако тот находился в такой задумчивости, что, казалось, ничего не видел и не слышал. Викарий тихонько притворил за собой дверь и вышел.

Отец Роман, сжав губы и подперев лицо кулаком, продол-

жил смотреть в одну точку. Наваливавшиеся на УГКЦ снежным комом проблемы казались неразрешимыми. Но заявление Смогоржевской неожиданно натолкнуло протосинкела на спасительную мысль. Еще год назад отец Роман посчитал бы эту мысль дьявольской, но чрезвычайные времена требовали чрезвычайных мер. Тем более что подобное уже было в истории УГКЦ, причем в гораздо более жестких формах. Но именно эти формы и позволили униатской церкви выжить, а потом и снова возродиться. Сегодня вопрос снова стоял о выживании, поэтому все средства были хороши.

Придя к этому выводу, отец Роман решительно потянулся к своему мобильному и открыл телефонную книгу, после чего нашел запись «к.о. Орест Гресь». Уже собравшись нажать кнопку вызова, спохватился и быстро посмотрел на дверь кабинета. Ганна, еще вчера бывшая верной секретаршей, завтра – вернее, уже сегодня – вполне могла оказаться гадюкой подколодной. Поэтому отец Роман быстро поднялся и прокрался к двери. Там он прислушался, после чего осторожно приоткрыл дверь.

Вторая дверь, которая вела из тамбура в приемную протосинкела, оказалась закрытой. Однако в таком деле лучше было лишний раз перестраховаться, а лучше даже не раз. Поэтому Кубийович плотно прикрыл внутреннюю дверь и прошел через кабинет к книжному шкафу в углу. Шкаф был настоящий, но с секретом. Едва протосинкел нажал на рычаг, как шкаф беззвучно отошел в сторону, открыв проем.

Это был не потайной ход, а просто дверь в небольшую опочивальню со старинным кожаным диваном, холодильником и обеденным столом. К опочивальне примыкал вполне современный санузел. Протосинкел вошел в него и включил в душе воду, потом вынырнул в опочивальню и, встав так, чтобы видеть дверь кабинета, наконец позвонил.

Капеллан отец Орест Гресь как раз и был тем самым священнослужителем, на которого пожаловалась Мирослава Смогоржевская. Вызов пошел, но ответа протосинкел так и не дождался. В первый момент это буквально взбесило отца Романа, но он тут же сообразил, что Орест мог просто не иметь возможности ответить.

– Ладно! – вздохнул Кубийович. – Подожду...

Выключив воду, он вернулся на свое место и попытался сосредоточиться на текущих делах. Однако это оказалось не так-то просто. И пару минут спустя протосинкел решил перезвонить секретарю комиссии по делам военного капелланства и мест заключения.

В первый момент он потянулся к стационарному телефону, однако тут же отдернул руку. Звонки с него Ганна вполне могла подслушать, а это было в данном случае крайне опасно. В отличие от секретаря комиссии, она отлично знала отца Романа и могла заподозрить, что звонит он неспроста. Поэтому протосинкел решил снова воспользоваться мобильным. Однако отыскать в его памяти нужный номер он так и не успел. Телефон вдруг зазвонил, высветив на дисплее

надпись «к.о. Орест Гресь». Отец Роман тут же поднялся и прошел в опочивальню и уже оттуда ответил:

– Да!

– Да пребудет с вами Господь, панотче! Вы мне звонили? – проговорил в трубке Орест.

– Да, – мрачно сказал отец Роман. – Ты сейчас где?

– В буцегарне, панотче!

– Хорошо. Тогда так: вечером, в семь, жду тебя в каплице.

И о том, куда ты пошел, не должна знать ни одна живая душа.

Это в твоих же интересах... Ты все понял?

– Да, панотче! В каплице, в девятнадцать, никто не должен знать, – по-военному продублировал приказ Орест.

5

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

Закончив читать аналитическую справку, Логинов по привычке закрыл папку и отодвинул ее. Замдиректора разговаривал по служебному телефону. Минуты через две он закончил разговор энергичным нагоняем, опустил трубку и посмотрел на Логинова:

– Ознакомился?

– Так точно!

– Уяснил, кто такой отец Вениамин?

– Не совсем.

– Что именно не совсем?

– Дело его оперативной разработки есть?

– Нет. Его не разрабатывали.

– Ясно. Но какое-то досье на него есть?

– Какое-то есть, – покосился в левый угол своего стола генерал.

– Посмотреть его можно?

– Ладно, посмотри, – кивнул генерал и протянул Логинову тонкую папку.

Открыв ее, Виктор увидел, что внутри находятся всего два листа. Причем первый был обычным сопроводительным письмом Управления ФСБ по Вологодской области. Отложив его, полковник взял второй лист и внимательно прочитал подготовленную вологодскими территориалами информацию.

Закончив читать, он в недоумении замер, потом на всякий случай перевернул лист. Но на его обратной стороне, как и следовало ожидать, ничего написано не было. Виктор сунул лист в папку, закрыл ее и аккуратно положил на папку с аналитической справкой, после чего покосился на генерала, который снова разговаривал по телефону. Разговор, судя по всему, был не коротким, и Виктор, сунув руку в карман, извлек пачку сигарет. Выудив вдобавок и зажигалку, он выжидательно посмотрел на замдиректора.

Примерно через полминуты тот мазнул по нему взглядом и кивнул, но указал пальцем в сторону окна. Логинов выбрался из-за приставного стола, обогнул его и подошел к ок-

ну. На подоконнике стояла «гостевая» пепельница. Виктор приподнял жалюзи и закурил...

6

Россия, Вологодская область, озеро Лебяжье, Свято-Воздвиженский монастырь

Собрав направленный микрофон, Анфиса быстро подключила его к айпаду – и тут вдруг заметила человека, показавшегося во внутреннем дворе монастыря рядом с беседкой. Подавшись назад, журналистка пригнулась и снова осторожно выглянула. Человек у беседки был одет не в церковную одежду, а в гражданский костюм. И был весьма крупного телосложения, так что это было легко различить даже на расстоянии. Чуть левее за елями двигался еще один, такой же.

– Гип-гип-ура! – невольно вырвалось у Анфисы.

Появление во дворе охранников олигарха, – а это были явно они, – означало, что предположения Анфисы и ее шеф-редактора Корнея Фалютина полностью оправдались. Стаховский действительно прилетел в Вологду, чтобы побеседовать с отцом Вениамином. А последний действительно сделал для него исключение.

Чтобы не выдать себя, Анфиса снова подалась назад и, вжавшись спиной в прохладную стену арки, замерла. Охрана Стаховского осмотрела окрестности беседки довольно быст-

ро. Когда Анфиса снова выглянула полминуты спустя, «телки» уже неподвижно торчали по сторонам беседки за елями.

– Молодцы, мальчики! – негромко проговорила Анфиса.

Потом быстро подключила к направленному микрофону наушник и сунула его в ухо. Теперь можно было заняться делом. Просунув руку сквозь прутья ограды, она направила микрофон на беседку и поводила им из стороны в сторону. В наушнике сперва промелькнули смутные шорохи, а потом вдруг раздался вполне явственный, хоть и негромкий скрип.

– Кажется, есть! – прошептала Анфиса.

Несколько секунд спустя ее догадка подтвердилась. В наушнике опять послышался скрип, после чего раздались негромкие шаги, и за окном беседки проплыл силуэт. Рассмотреть его Анфиса не рассмотрела, но и так было понятно, что это Стаховский в ожидании отца Вениамина прохаживается туда-сюда.

Чтобы не спугнуть удачу, журналистка спряталась, оставив на виду только просунутую сквозь прутья руку с микрофоном. Стаховский прошелся взад-вперед, потом снова присел. Впрочем, где-то через минуту он опять поднялся и снова прошелся. И тут наконец в наушнике послышались быстро приближающиеся шаги.

– Подожди меня снаружи, Евстафий! – услышала Анфиса спустя пару секунд голос отца Вениамина – удивительно молодой и какой-то просветленный. Причем это ощущалось, даже несмотря на неминуемые искажения при снятии и уси-

лении звука. – Здравствуйте, Михаил! Извините, что заставил вас ждать, но у меня была важная беседа...

– Ну что вы, отче! Это вам огромное спасибо, что согласились меня принять. Здравствуйте! Очень рад знакомству.

– Я тоже... Давайте присядем.

В наушниках снова послышался скрип, после чего отец Вениамин спросил:

– Итак, Михаил, о чем вы хотели со мной поговорить?

– Гм-м... – вздохнул Стаховский. – Не знаю, в курсе ли вы, что некоторое время назад в моей жизни произошло весьма прискорбное событие. Я имею в виду, что от меня накануне свадьбы ушла невеста...

– Я знаю об этом, Михаил. Не в подробностях, конечно. Но это и ни к чему, верно?

– Да, отче, вы правы, подробности тут ни к чему... В общем, этот случай на меня сильно повлиял. В том смысле, что заставил меня посмотреть на свою предыдущую жизнь, так сказать, со стороны. И я понял, что причинял другим слишком много боли. Так что в конце концов кто-то должен был причинить боль и мне...

Тут Стаховский невольно умолк.

Отец Вениамин немного помолчал и сказал:

– Закрывая дверь, Господь открывает окно. Не случись того, что случилось, вы бы никогда не поняли того, что поняли...

– Об этом я тоже думал, отче! – порывисто воскликнул

Стаховский. – Это был знак свыше, чтобы я задумался о своей жизни, пока не поздно. Как говорится, правда освобождает, хотя поначалу режет глаза.

– С этим не поспоришь, – согласился отец Вениамин. – Правда действительно освобождает, но спасти может только вера, Михаил. Господь открыл вам окно. В нем свет. И этот свет – вера. Тянитесь к свету, и Господь вас спасет. Так что все зависит только от вас.

– Я понимаю, отче. И именно поэтому я здесь. Я понимаю, что много грешил, и хочу свои грехи искупить. В общем, я решил построить церковь! И приехал просить на это вашего благословения.

– Церковь? – спросил отец Вениамин.

– Да, отче.

– И где вы ее собрались построить?

– В Москве, отче.

– Понятно... – вздохнул Вениамин.

– Что-то не так, отче?

– И так, и не так. Построить храм – это, конечно, богоугодное дело. Но вопрос в том, какую цель вы преследуете этим...

– Но я же сказал, что хочу искупить... Извините, отче, что перебил! – тотчас спохватился Стаховский. – Продолжайте, пожалуйста.

– В Москве достаточно храмов, Михаил. Даже, я бы сказал, предостаточно. Но беда в том, что при этом в столице

почти нет веры. Истинной веры, а не показной. Войдите в любой новопостроенный московский храм, и что вы увидите на самом видном месте?

– Крест?

– Если бы крест... На самом видном месте вы увидите золотую, в крайнем случае позолоченную табличку, на которой написано... что?

– Имя того или тех, кто построил храм.

– Именно! И эта табличка как раз и есть самое верное свидетельство того, что храм построен вовсе не во имя веры, а ради гордыни. А гордыня есть грех. Вы меня понимаете?

– Кажется, да, отче. А если я построю храм под Москвой, в каком-нибудь городке, где он действительно будет нужен людям? Вы это имели в виду?

– Почти. Только дело не в храме, а в том, чтобы делать добро. И неважно, в чем это будет заключаться: в строительстве храма ли, школы ли или в помощи страждущим и нуждающимся. Главное, чтобы это было добро. И чтобы делали вы это не во имя своей попанной или неудовлетворенной гордыни, а во имя добра.

– Как просто. И как верно... – сказал Стаховский. – Теперь я понял все, отче...

В этот момент послышался голос оставшегося на улице Евстафия.

– Прошу прощения, отец Вениамин, но нам нужно возвращаться. Через пять минут у вас разговор с губернатором

Брянской области.

Священник поднялся со скрипучей скамьи.

– Я рад, что смог вам помочь. А теперь прошу прощения, но у меня действительно очень важное дело...

– Я понимаю. Еще раз спасибо, отче, что нашли время! Извиняюсь, что спрашиваю, но губернатор Брянской области тоже здесь? Я с ним просто очень хорошо знаком, когда-то работали вместе...

– А! Нет, у меня с ним просто телефонный разговор запланирован. По поводу слета... Неделя всего осталась, а бюрократических проблем столько, что боюсь не управиться...

– Извиняюсь еще раз, но о каком слете идет речь, отче? Я в том смысле, что, может, я мог бы чем-то помочь? Я имею в виду финансово.

– Спасибо за предложение, но финансовых проблем у нас нет. Мы с несколькими настоятелями-единомышленниками из России, Украины и Беларуси решили организовать молодежное православное движение «Спас». Через неделю проводим учредительный слет...

– В Брянске?

– Не совсем. В Брянской области. На острове Святой Евдокии, который расположен на реке, неподалеку от точки схождения границ России, Украины и Беларуси. Так что никаких особых финансов там не нужно. Бюрократических препон, правда, не счесть, так что пойду решать...

– Бог вам в помощь, отче!

– Спасибо. И вам Бог в помощь, Михаил! Вы на правильном пути. Ищите – и обряцете...

7

Украина, Львов, собор Святого Юра

– Слушаю вас, панотче! – вытянулся привратник и по совестительству ночной сторож собора Святого Юра.

– Дай ключ от задней двери и ступай в сторожку. После исповеди я тебе позвоню.

– Вот, панотче! – кивнул привратник, с удивительной ловкостью отыскав в огромной связке и отсоединив нужный ключ.

Отец Роман взял его и кивнул:

– Все! Ступай.

Привратник быстро развернулся и направился к сторожке. Просьба, а точнее приказ, протосинкела его абсолютно не удивил. Желаящим исповедаться лично фактическому руководителю УГКЦ не было числа. Но при этом добиться подобной милости удавалось немногим. Часть из них этим гордилась и выставляла напоказ. Однако были и такие, кто хотел сохранить анонимность.

Когда шаги привратника затихли, протосинкел нырнул в часовню и вскоре приблизился к скрытой за иконостасом задней двери. Сунув в нее ключ, отец Роман посмотрел на часы. Время было без двух минут семь. Священник шагнул

в сторону и стал ждать, сцепив руки перед собой.

В часовне и на улице царила полная тишина. Однако даже при этом протосинкел так и не смог расслышать шагов. Просто ровно в семь с другой стороны двери раздался приглушенный шорох, за которым тут же последовал условный стук. Отец Роман шагнул к двери и на всякий случай негромко спросил:

– Кто?

– Я! – донесся приглушенный голос Ореста.

Кубийович трижды повернул ключ в замочной скважине и открыл дверь. В нее ночной тенью просочился Орест. Протосинкел тут же запер дверь и кивнул:

– Ступай за мной!

Когда они вынырнули из-за иконостаса, пламя горевшей перед потемневшим ликом одинокой лампы заколебалось, из-за чего на миг показалось, что в углах часовни зашевелилась притаившаяся нечисть. Отец Роман прошел к передней скамье и, подобрав рясу, присел. Орест, сложив перед собой руки и наклонив голову, встал перед протосинкелом в смиренной позе.

Отец Роман посмотрел на него и вздохнул:

– Ты знаешь Мирославу Смогоржевскую?

– Кто ж ее не знает, панотче?.. – кивнул Орест и тут же, даже не пытаясь отпираться, брякнулся на колени. – Прости, панотче, дьявол меня попутал! Сам не знаю, как это...

– Умолкни! – прервал покаянную речь Ореста протосин-

кел.

Орест тут же замолчал.

– Ты мне давал обет или не давал?

– Давал, панотче!

– Я тебя предупреждал?

– Предупреждал, панотче!

– Ты клялся на распятии?

– Клялся, панотче, – тихонько завыл Орест. – Но дьявол меня попутал! Не устоял я... Не устоял!

Протосинкел поднял два пальца.

– Умолкни!

Орест снова умолк; слышно было лишь, как тяжело дышит он в тишине часовни.

– Ты против воли овладел женщиной. И не просто женщиной, а одной из наших самых щедрых прихожанок.

– Не устоял я, панотче! Плоть оказалась сильнее меня...

– Да плоть-то полбеды... Это я еще мог бы понять. Но зачем ты у нее каблучку [*Каблучка* (укр.) – кольцо.] спер после этого, скотина?

– Не знаю, панотче! Ей-богу! Дьявол попутал! Я не знал, что делал! Прости, умоляю!

Тут Орест и вовсе рухнул наземь, обхватил ногу протосинкела и принялся истово целовать его ботинок, при этом приговаривая:

– Умоляю, панотче! Умоляю!

– Ты знаешь, что будет, – немного выждав, спросил Ку-

бийович, – если об этом станет известно?

– Прости, отче! Я вымолю у нее прощение, клянусь! Я верну ей каблучку!

– Даже если ты вымолишь прощение у нее, ты все равно не получишь прощения Господа! Ибо ты поклялся на распятии и не сдержал клятвы.

Орест забился, словно в судорогах.

– Ты знаешь, что я должен сделать? – спросил отец Роман.

– Знаю, панотче! Знаю!

– Я должен лишить тебя сана и предать вечной анафеме.

– Не губи, панотче! Молю! Без церкви я пропаду! Назначь любую епитимью!

– За то, что ты нарушил клятву, данную на распятии, епитимья будет непомерно велика...

– Назначь, панотче! Я исполню все!

– Хорошо! – вдруг сказал отец Роман. – Клянись трижды на распятии, что если не исполнишь, то будешь обречен на муки вечные! Так что будешь молить о смерти как об избавлении. Но даже смерть не избавит тебя от них...

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – трижды проговорил Орест, встав с колен и целуя крест протосинкела.

– Хорошо, присядь! – велел отец Роман.

Орест присел на скамью рядом с Кубийовичем. Тот поднял сцепленные руки к груди и сказал:

– Сразу после нашей беседы отправишься к Смогоржевской, вернешь каблучку и вымолишь прощение.

– Все сделаю, панотче!

– А теперь слушай, какой будет епитимья... Москальские попы в последнее время совсем распоясались. Один за другим они захватывают наши приходы. Мало того, теперь они нацелились еще и на нашу молодежь. В Брянской области скоро пройдет съезд молодежного движения «Спас». В нем примут участие в том числе и делегаты от львовских вузов... Такого не было с тридцать девятого года. Если так пойдет дальше, то совсем скоро москальские попы потребуют вернуть им собор Святого Юра...

– Скорше головы тех, кто потребует его вернуть, прикрасят паркан Лычаковского цвинтаря, панотче! У Львови есть кому захищать святыни!

– Это пока есть, – кивнул протосинкел. – Но, как говорят москали, курочка по зернышку клюет. Если они начнут распространять свою москальскую веру среди нашей молодежи, то со временем наши соборы защищать может оказаться некому...

– Тогда нужно сделать так, панотче, чтобы делегаты на москальский съезд не поехали! В студенческом «Братстве» Львова есть достойные хлопцы, которые могут это сделать. Если делегаты не поймут по-хорошему, им стукнут пару раз для доходчивости по голове свинцовой трубой...

– Это не решит проблему, – покачал головой протосинкел, – а создаст новые. Но по сути ты прав. Мы не должны позволить москалям растлевать нашу молодежь. Только сде-

лать это надо так, чтобы отбить такую охоту раз и навсегда.

– Но как это сделать, панотче?

– Нужно, чтобы в самый разгар съезда, во время выступления его главного организатора, сработала бомба, от которой попа бы разорвало на куски, а как можно больше делегатов покалечило. Если такое случится, никакого молодежного движения создано не будет! И навряд ли в ближайшем будущем найдется другой поп-москаль, который рискнет что-то подобное организовать. А если вдруг и найдется, то родители просто не отпустят своих детей на другой съезд. Правильно?

– Да, панотче! Это работает. Но кто... – начал было Орест и тут же умолк. Затем, сглотнув, спросил: – Это... Это и есть моя епитимья?

– Да, – кивнул протосинкел. – Сорвав москальский съезд, ты искупишь свой грех. Не иначе! И ты поклялся, что исполнишь это во что бы то ни стало.

Орест опустил голову и снова сглотнул.

– Я понял, панотче... Но такую акцию я в одиночку не проверну.

Отец Роман пожал плечами. Орест, подняв на него глаза, объяснил:

– Я имею в виду, что хлопцев, которые с радостью согласятся пустить кровь проклятым москалям, я, конечно, знаю. Но им все равно придется заплатить. Да и на подготовку понадобятся немалые деньги. Тем более что съезд пройдет на Москальщине...

– Деньги будут, – кивнул протосинкел. – Скажи сколько, и завтра я тебе передам их здесь же.

– Хорошо, панотче! Я уточню сумму и сообщу.

– Тогда последнее, – поднялся протосинкел. – Никто, ни одна живая душа, включая твоих хлопцев, не должна не то что знать, но даже догадываться, что ты это придумал не сам.

– Конечно, панотче, – проговорил Орест, опускаясь на колени. – Я грешник, но не дурак. Спасибо! Я сделаю все, как сказал панотец.

И, почтительно наклонив голову, Гресь поцеловал руку Кубийовича.

8

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

Закончив курить, Логинов затушил окурок, потом взял пепельницу и прошел в комнату отдыха за спиной генерала, где смыл окурок в унитаз. Когда он вернулся и поставил пепельницу на место, замдиректора как раз положил трубку.

– Ну что, все прочитал? – кивнул он Виктору.

– Так точно, товарищ генерал. И теперь не понимаю уже вообще ничего, – проговорил тот, возвращаясь на свое место. – Это ж не досье, а характеристика для поступления в Академию ФСБ. Ну, или для причисления к лику святых. Не был, не привлекался, не замечен...

– Ну так я тебе потому и не дал его сразу, – пожал пле-

чами генерал. – Дело не в самом отце Вениамине, а в том, что мы получили очень тревожную информацию от нашего львовского резидента...

– Что за информация? – спросил Виктор, присев.

– Резидент совсем недавно завербовал одного львовского студента. Тот подрабатывает официантом в львовском ресторане «Бойивка». Как ты понимаешь из названия, содержит его ярый националист. И собирается там соответствующая публика. Так вот, в этом ресторане, кроме общего зала, есть также отдельные кабинки, которые называются «схронами». И вот этот студент случайно подслушал обрывок разговора в одном из таких «схронов». В оригинале фраза звучала так: «Ничого, пип-москалык цей на зльоти кровавою юшкою вмыйеться, щоб бильш никому й на думку нэ спало нашу молодь у кацапську виру зманюваты», – прочитал из донесения генерал. – Что в дословном переводе означает: «Ничего, поп-москаль этот на слете кровью умоется, чтобы больше ни у кого даже мысли не возникло нашу молодежь в кацапскую веру сманивать...»

9

Украина, Львов, Лычаковское кладбище

Павло Колисный, Юрко Данчук и Андрий Хомив одновременно выбрались из «Мерседеса» и направились к воротам кладбища.

Андрій Хомив шел чуть впереди. Он был ниже среднего роста и не слишком симпатичным, однако при этом самым стильным. Его довольно длинные черные волосы были смазаны гелем и зализаны назад. Одет он был в черный кожаный пиджак, под которым ласкала тело тонкая черная шелковая рубаша. Дополняли ансамбль дорогие голубые джинсы и мягкие черные туфли на низком каблуке.

Шедший чуть позади слева Юрко Данчук был среднего роста и крепкий, как все бывшие борцы. Он уже начал понемногу лысеть и стригся очень коротко, так что голову Юрка укрывал ершик светлых волос. Его лицо было круглым, с широким носом. Одет Данчук просто – в спортивном стиле: поверх футболки – тонкая флисовая кофта на молнии, а также просторные джинсы и кроссовки.

Павло Колиснык ростом был почти метр восемьдесят и при этом сухощавым. Он не был худым – просто не имел ни капли лишнего жира, и его мускулы не были перекачаны, как у любителей бодибилдинга. Русые волосы Колисныка были пострижены коротко, но не чересчур. На его голове была бейсболка. Одет Павло был в тонкий батник с длинными рукавами, расстегнутую легкую ветровку и стрейчевые джинсы. Все это – неброских серых оттенков. При этом из всей троицы Колиснык был самым симпатичным. Тонкие черты его лица отличались определенным изяществом, которое так привлекает женщин.

Нырнув в ворота, Хомив окинул ряды могил цепким

взглядом, после чего свернул вправо. Данчук с Колисныком, негромко переговариваясь, двинулись следом. Их связывало общее спортивное прошлое. Оба занимались в одном спортивном клубе, только Данчук – дзюдо и самбо, а Колиснык – кик-боксингом.

Отдалившись от ограды метров на сто, Хомив свернул на древнюю аллею, взбирающуюся на гору. По бокам потянулись столетние склепы. Это была старая часть кладбища, которую посещали довольно редко. Пройдя по аллее около ста пятидесяти метров, Андрий замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Посмотрев на часы, повернулся и сказал:

– Что-то панотец опаздывает...

Однако глазастый Колиснык указал пальцем влево:

– Да нет, панотец на месте!

Хомив быстро повернул голову и увидел стоящего метрах в тридцати за могилами отца Ореста Гресья. Тот знаком показал, чтобы троица шла к нему.

Колиснык, Данчук и Хомив друг за дружкой протиснулись между оград и вскоре приблизились к Оресту. Тот поджидал их возле небольшого навеса, сооруженного у могилы с почерневшим от времени ангелом. Под навесом была скамья.

– Слава Украине! – поздоровался Орест.

– Слава героям! – почти в унисон ответила троица.

Они по очереди крепко пожали друг другу руки и обнялись, после чего Орест, подняв руки к груди и сжав по привычке крест, кивнул на скамейку:

– Прошу панство!

Данчук присел с ходу, Колисник – предварительно проведя по сиденью пальцем и убедившись, что скамейка почти чистая. Хомив садиться не стал. Оглянувшись по сторонам, он спросил:

– Зачем звал, панотче?

– Проклятые москальские попы обнаглели вкрай. Уже захихают на нашу молодежь, – проговорил Гресь. – Пора пустить кровь падлюкам. Иначе они не отступятся...

Троица быстро переглянулась.

– Дело хорошее, – кивнул Хомив. – Пустить кровь москалям – святое дело. Только ж придется...

– Деньги будут, – сказал Орест. – Есть люди, которые готовы спонсировать подобную акцию. Анонимно, естественно.

– Ну, тогда, – Хомив быстро посмотрел на сидевших на скамейке Колисника и Данчука, – нет вопросов! Да?

– Да! – синхронно кивнули те.

– Что надо сделать, панотче? Сжечь москальскую парашу? Или прибить попа?

– Прибить попа, – сказал Орест. – Только не у нас, а в Брянской области. И лучше его взорвать...

10

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

– Теперь понял? – посмотрел на Логинова генерал.

– Так точно... Значит, вы считаете, что в ресторане речь шла об отце Вениамине и о слете молодежного движения «Спас», о котором говорится в аналитической записке?

– Ну да. Это же очевидно...

– Я бы не сказал, – покачал головой Виктор. – Вообще-то словосочетание «поп-москаль», насколько я понимаю, не обязательно должно означать «священнослужитель из России». Оно также может означать и украинского священнослужителя Московского патриархата. Или же просто пророссийски настроенного священнослужителя, независимо от конфессиональной принадлежности...

– Ну, допустим... И что от этого меняется?

– Объект меняется, товарищ генерал.

– Логинов! Ты что думаешь, один такой умный, а все остальные дураки? Естественно, что эту информацию подвергли тщательному анализу. Никаких других слетов, связанных с церковной деятельностью, о которых могло бы говориться тут, нет. Так что речь шла как раз об учредительном слете «Спаса».

– Ну, так а я вам о слете разве говорил? Я вам говорил, что объектом вполне может быть не сам Вениамин, а какой-то местный поп...

– Если бы речь шла о местном попе, то провести акцию в отношении него можно было бы на месте, на Украине, а не на слете, который пройдет на территории России...

– Вообще-то это тоже не факт, товарищ генерал, – упрямо

покачал головой Виктор. – Но вы как-то бурно реагируете на мои попытки семантического анализа. Так что...

– А как же мне на них реагировать, Логинов?! – стукнул ладонью по столу генерал. – Это ты в госпитале отлежался, а я уже третий год без отпуска! И у меня на контроле полсотни разработок и полтора десятка операций! Так что мне эти твои анализы ни к чему. Вот тебе донесение, семантик ты наш, и вперед! Это дело теперь твое. Анализируй. Только если что, ответишь без скидок на недавнее ранение и былые заслуги!

– Понял, товарищ генерал! Тогда хотелось бы...

– Если ты хочешь мне сказать, что в данном конкретном случае слово «слет» может означать местный архиерейский собор или просто ежемесячную пьянку галицких священников в бане, лучше не надо...

– Да боже упаси, товарищ генерал! Я просто хотел уточнить: это вся информация на данный момент, или...

– Да, Логинов, вся! Львовский резидент, учитывая важность, экстренно направил ее в центр.

– Тогда я, с вашего разрешения, свяжусь с ним, товарищ генерал?

– Да уж, сделай милость. И жду от тебя до вечера конкретных предложений.

– Есть, товарищ генерал! – быстро проговорил Виктор, вставая, и вытянулся: – Разрешите идти?

– Не беси меня, Логинов, – косо посмотрел на Виктора

замдиректора.

– Хорошо, я перезвоню, как определюсь... – уже без официоза кивнул Виктор, поспешно сгребая со стола папки.

11

Украина, Львов, Лычаковское кладбище

– Вот такая вводная, – сказал Орест Гресь, рассказав троице боевиков о предстоящем слете и отце Вениамине.

Андрей Хомив потер большим пальцем уголок рта.

– Такое будет провернуть потруднее... – сказал он, с прищуром глядя на Гресю. – Взорвать попа прямо на слете – это не фугас у дороги на Ачхой-Мартан заложить. Тут нужна пластиковая взрывчатка, радиовзрыватели, маскировка. Да и бомб лучше заложить две...

– Деньги будут, – повторил Орест.

– Сколько? – спросил Андрей, сжав пальцами нижнюю губу.

– Сколько надо. Но в разумных пределах... Мы ж это делаем не столько ради заработка, сколько чтобы дать отпор москалям.

– Это само собой, – кивнул Андрей. – Но чтобы все сделать как следует, нужна подготовка. Да и оружие сейчас сильно подорожало.

– Сколько нужно денег? – спросил Орест.

– Думаю, пятьдесят тысяч долларов, не меньше... – пока-

чал головой Андрий. – И хотя бы часть денег нужна как можно быстрее, чтобы начать подготовку. Иначе мы можем просто не успеть.

– Хорошо, – кивнул Орест. – Я позвоню сегодня после семи вечера и сообщу, где передам деньги.

– Понял! – прищурился Андрий. – Тогда мы прямо сейчас займемся подготовкой.

– Тогда все, – сказал Орест. – До вечера!

Подняв на прощание руку, он развернулся и двинулся за могилы. Вставшие кружком боевики обменялись взглядами.

– Вот вам и работа подвалила, откуда не ждали, – сказал Андрий, доставая сигареты. – Звони Гарику, Юрко! Пластик у него в наличии точно нет, только под заказ... И то не факт, что успеет достать.

Данчук достал телефон и сказал:

– Если под заказ, он аванс потребует...

– Деньги сегодня будут, – пожал плечами Андрий. – Но взрывчатка нужна не позже чем через три дня. Иначе придется у кого-то другого искать. Срочно...

– Стоп! Мы ж сегодня в «Бойивке» должны быть в семь вечера на дне рождения у Марка, – вспомнил Колисник. – Что будем делать?

– Не пойти к Марку нельзя, – покачал головой Андрий.

– Но и деньги нужно забрать, – проговорил Колисник.

– Ничего, тогда просто мы с Юрком сразу пить не будем. Как Орест позвонит, отъедем. А ты, Павло, пока за столом

компанию поддержишь. Только гляди, нехвати без нас лишнего, а то ты в последнее время что-то стал перебирать...

12

Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

Войдя в комнату спецсвязи в сопровождении дежурного оператора, Логинов шагнул в сторону. Оператор быстро включил большой монитор и проверил работу подсоединенной к компьютеру гарнитуры.

– Все в порядке, товарищ полковник! – повернулся он. – Наденьте наушники, пожалуйста, и ждите!

Виктор молча кивнул. Оператор быстро вышел. Виктор присел в кресло и положил на стол папки с аналитической запиской, установочными данными на отца Вениамина и донесением львовской резидентуры, после чего надел гарнитуру и опустил микрофон.

Примерно через минуту в наушниках послышался голос оператора:

– Товарищ полковник, связь установлена! Переключаю на вас.

– Угу! – буркнул Виктор.

Видеосвязь с заграничными резидентурами внедрились совсем недавно. То есть техническая возможность была уже очень давно, однако этого не делали из соображений конспирации. В том смысле, что в случае перехвата видеосеанса против-

ник мог получить в свое распоряжение не только содержание разговора, но и изображения его участников. Однако современные технологии вроде бы начисто исключали возможность дешифровки, так что прогресс восторжествовал.

И на мониторе секунду спустя возникла комната спецсвязи львовского консульства РФ. В ней сидел чернявый молодой мужчина, одетый в безукоризненный костюм с модным галстуком.

– Полковник Логинов! – представился Виктор. – Вы меня слышите?

– Так точно! – кивнул чернявый. – Здравия желаю, товарищ полковник! Майор Никифоров, начальник резидентуры.

– Очень приятно, майор, – кивнул Виктор. – Мне поручено заняться разработкой по вашему донесению... Какую-то новую информацию удалось получить?

– К сожалению, нет. Заказы «схронов» – в смысле, отдельных кабинок в ресторане «Бойивка» – происходят напрямую через владельца. То есть он сам выполняет функции администратора, а также лично встречает и проводит в кабинки гостей через специальный вход. В компьютер ресторана информация о заказчиках «схронов» не заносится. Я дал указание агенту попытаться, не выдавая себя, выяснить хоть какие-то установочные данные о посетителях, но он не смог...

– Понятно... То есть единственным носителем информации является владелец?

– Так точно. Но он, как вы сами понимаете, не станет ею делиться...

13

Украина, Львов, Лычаковское кладбище

Юрко набрал номер оружейного барыги и приложил телефон к уху.

– Привет, Гарик, як ся маешь? – спросил он несколько секунд спустя. – Спасибо, я тоже... Слушай, тут у одного моего знакомого поддон на «мерсе» стал подгнивать. Надо бы зашпаклевать, чтоб было незаметно... У тебя как насчет замазки? Синтетической?.. Ну, если это зависит от серии и года выпуска, то могу, конечно. Ладно. Я понял...

– В чем дело? – настороженно спросил Андрий, когда Юрко опустил мобильный.

– Да что-то Гарик отморозился. Сказал, что для разговора лучше приехать к нему.

– Стоп! – нахмурился Павло Колисник. – Может, его менты прихватили и он у них под контролем? Поедем, а там засада!

Подозрения Павла имели под собой почву. Некоторое время назад при плановой ревизии арсенала Львовского университета внутренних дел комиссия недосчиталась больше сотни единиц боевого оружия – пистолетов Макарова и «ТТ», автоматов Калашникова и даже нескольких пулеметов.

тов. Как выяснилось, все они были распроданы кадровыми офицерами, в чьем ведении находился арсенал. Это, естественно, вызвало огромный скандал. Как следствие, в последнее время УВД усиленно занималось теневым рынком оружия. И не только УВД, но и СБУ, скорее всего.

– Может, ну его, Гарика? Лучше в другой области возьмем? – продолжил Павло.

– Чтоб взять в другой области, нужно сперва оглядеться-присмотреться. А просто с ходу брать – еще больший риск, – покачал головой Андрий. – Гарика ты, Юрко, знаешь как облупленного, и если он под контролем ментов, сразу заметишь. Поэтому о деле не говори, пока не убедишься, что все в порядке... Но и когда убедишься, в кабинете на всякий случай все равно не говори. Предложи пойти в мойку, там шум по всем диапазонам, так что записать разговор не получится... А мы пока наблюдаем со стороны. Если менты следят, они себя проявят. Понятно?

Юрко с Павлом кивнули.

– Ну, тогда поехали! Заберем каждый свою тачку и посмотрим, что там с Гариком...

14

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

Немного подумав, Виктор сказал львовскому резиденту:
– Хорошо, тогда зайдем с другой стороны... Скажем, мы

обратимся к Службе безопасности Украины и сдадим ей владельца «Бойивки». Как вы смотрите на такой вариант?

– Виноват, товарищ полковник, но тогда мы, во-первых, подставим нашего агента...

– Не подставим, – парировал Логинов. – Мы преподнесем информацию так, как будто утечка произошла вовсе не из ресторана... а, к примеру, от таксиста. У нас есть специалисты, которые выберут самый оптимальный вариант.

– Не сомневаюсь, товарищ полковник. Но, боюсь, вы не совсем в курсе нынешних украинских реалий. Я имею в виду, что обращение в СБУ в таком виде абсолютно ничего не даст. А только насторожит негодяев...

– С подробностями, пожалуйста...

– Да, конечно. Некоторое время назад СБУ обратилась в Конституционный суд Украины с просьбой разъяснить вопрос использования оперативных данных. И получило официальное разъяснение, что такие данные могут быть положены в основу обвинения, только если они изначально были получены в рамках какого-то дела. Если проще, то суть в том, что даже если бы у нас была, скажем, сделанная на мобильник видеозапись, на которой кто-то угрожал бы совершением теракта, то даже в этом случае СБУ не смогла бы предъявить этому «кому-то» обвинений, если только производство видеосъемки предварительно не было санкционировано следователем или прокурором.

– Гм-м... – невольно проговорил Логинов. – Вы это се-

речно?

– Я сам в шоке. Но все обстоит именно так. То есть даже если СБУ, скажем, вызовет террориста с видеозаписи для беседы, он просто пошлет ее сотрудников подальше. Поскольку им ему, по закону, нечего предъявить. Ну а что до владельца ресторана, то его даже вызывать не за что.

– Так... Я понял. Тогда на этом пока все, майор.

15

Украина, Львов

Юрко Данчук сидел в своем «Мерседесе», откинувшись на подголовник. Магнитола была настроена на одну из львовских ФМ-радиостанций. Крутили давний хит группы «Плач Еремии», ставший неофициальным гимном львовских студентов:

Но опять наступит осень,
И мы снова разбежимся по русифицированным городам.
Лишь она, лишь она, останется одна,
Будет пить, не пьянея от дешевого вина.
Моя девочка родная, моя доля золотая.
Я кричу, но ночь, как прежде, безответна и пуста...

Эту песню Юрко знал еще со школы, но готов был слушать ее бесконечно. Однако на этот раз не дослушал: зазвонил лежавший в углублении у рычага переключения передач

мобильный. Это был Андрий.

– Да, – ответил Юрко, выключив магнитолау.

– Мы на месте, так что давай. Главное, не спеши и делай все, как я сказал. И тогда никто тебе ничего не воткнет.

– Хорошо! – сказал Юрко и отключился.

Запустив двигатель, он тут же тронул «Мерседес» с места. Тот рванулся вперед, как застоявшийся конь. Однако на этот раз ехать было совсем недалеко. Миновав два окраинных квартала, Юрко свернул и увидел впереди СТО Гарика.

Подкатив к въезду, он, как и велел Андрий, припарковался слева от него, после чего вынырнул из машины и направился к воротам мойки. Крайняя секция была свободна, и Юрко вошел в нее. Из расположенной слева застекленной конторки его увидела и тут же вынырнула навстречу миниатюрная девушка в комбинезоне.

– Можете загонять! – сказала она, собираясь натянуть перчатки.

– Я к пану Игорю, – махнул головой Юрко. – Он у себя?

– Да, – кивнула девушка, после чего вернулась в конторку.

На мойке у Гарика работали студенты, и девушка, несомненно, была студенткой. Юрко проводил ее незаметным взглядом. Девушка вернулась к стоявшему в конторке дивану, взяла чашку и тут же прикипела глазами к большому плазменному телевизору, настроенному на музыкальный канал.

Не заметив ничего подозрительного в ее поведении, Юрко

испытал облегчение. Однако отклоняться от плана он не собирался. Данчук успел повоевать в Югославии и на Кавказе и не раз видел на войне, чем оборачивается даже секундная расслабленность. Поэтому он не только не расслабился, но еще больше сконцентрировался, хотя при этом продолжил изображать беспечность. Нырнув в служебную дверь, миновал короткий коридорчик и оказался у двери кабинета Гарика. В ответ на его короткий стук изнутри донеслось:

– Да, прошу!

Юрко толкнул дверь и вошел:

– Можно?

– Конечно, – кивнул Гарик.

Кабинет у него был не слишком большой и далеко не шикарный. Выбравшись из-за стола, хозяин пожал руку Юрка и спросил:

– Кофе?

– Да что-то не хочется! – махнул головой Данчук.

– Я все равно включу, – сказал Гарик. – Оказывается, что некоторые кофеварки при работе вырабатывают мощное электромагнитное излучение...

– Ты это к чему? – немного удивленно посмотрел на хозяина Юрко.

– К тому, что сейчас время такое, что лучше перестраховаться... – сказал Гарик и врубил кофеварочную машину. Когда та загудела, он объяснил: – Она вроде частоты забивает, на которой «жучки» работают.

– А! – кивнул Юрко. – Но автомойка забивает еще лучше. И не частоты, а весь звуковой диапазон. Не хочешь мне показать ее?

Гарик повернулся и пристально посмотрел на Юрка.

– Почему бы нет? Так будет лучше для всех.

Минуту спустя они были уже в помещении мойки. В нескольких метрах от них мимо вращающихся щеток в брызгах воды медленно плыла машина.

– Ну что? – повернулся к Юрку Гарик. – Теперь можно и поговорить...

– Можно! – кивнул Юрко, перекрикивая шум.

– Значит, ты хочешь купить пластит?

– Да! – кивнул Юрко.

– Пойми меня правильно, – проговорил Гарик, – я в твои дела не лезу и лезть не собираюсь. Но новости смотрю регулярно...

– И что? – настороженно спросил Юрко, не понимая, к чему клонит Гарик.

– И полтора месяца назад видел, как показывали убитого в Венгрии цыганского барона. И винтовку снайперскую, которую в микроавтобусе бросили.

– И что? – спросил Юрко. – Мало ли таких винтовок?

– Дослушай меня, – сказал Гарик. – Я не лезу в твои дела. Но одно дело – цыган в Венгрии или бандит в Варшаве. Это криминальные разборки, поэтому полиция на это и смотрит сквозь пальцы. Мол, собаке собачья смерть. Совсем другое

дело – взрыв. Если пострадает много людей, это будет расцениваться как теракт. И расследовать его будут совсем по-другому. И не полиция, а спецслужбы... Поэтому я просто не хотел бы иметь к чему-то такому отношения. Понимаешь?

– Да, – кивнул Юрко. – И полностью с тобой согласен. Я бы тоже не хотел иметь к этому никакого отношения. И не буду никогда иметь.

– Ну, тогда нет проблем! – облегченно вздохнул Гарик. – Сколько надо замазки для машины твоего знакомого?

– Грамм четыреста.

Едва успокоившийся Гарик метнул на Юрка настороженный взгляд.

– Наркоторговцы в Восточной Европе сейчас покупают себе «Хаммеры», – сказал тот. – А они бронированные. Так что брать меньше нет смысла. Но за то, что ты сказал, не волнуйся. Я ж сам себе не враг...

16

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

Вернувшись в свой кабинет из центра спецсвязи, Логинов первым делом спрятал папки в сейф и только потом включил чайник. Пока вода закипала, он хмуро перекурил, стоя у окна. Когда чайник щелкнул, Виктор заварил чай и перезвонил генералу.

– Я переговорил со львовской резидентурой и прикинул

варианты. Точнее, вариант только один.

– Какой?

– Выкрасть и «снять информацию» с владельца ресторана «Бойивка».

– Этот вариант отпадает, Логинов. На это никто не пойдет.

– Но это единственная возможность получить информацию...

– Ты что, не слышишь меня? Такая возможность исключена. Так что жду более реальных и конструктивных предложений. Все! – сказал замдиректора и тут же отключился.

Логинов отнял от уха трубку и какое-то время тупо смотрел на нее. Потом со вздохом опустил ее на аппарат и сказал:

– Я что, Вольф Мессинг?..

Расколов в чашке сахар, Виктор выпил чай, глядя в стол. Он пытался найти какое-то другое решение, однако ничего так и не придумал. Отставив чашку, прошел к окну и снова закурил.

Задача, с одной стороны, была предельно понятной. С другой, практически неразрешимой в силу поставленных условий. И Виктор вдруг понял, что придумать ему ничего не удастся...

пожимая руку Гарика на виду у мойщиков-студентов.

– Всегда к вашим услугам, пан Юрко, – кивнул Гарик.

Этот спектакль они разыграли, чтобы замотивировать свою прогулку в недра мойки. Теперь при случае Гарик мог сказать, что Юрко приезжал к нему за консультацией, поскольку подумывал открыть собственную мойку.

Сняв «Мерседес» с сигнализации, Юрко нырнул за руль, запустил двигатель и включил магнитола, после чего отъехал, махнув закурившему Гарика рукой.

Выбравшись на дорогу, он направился заранее оговоренным маршрутом к центру. Маршрут был составлен так, чтобы двигавшиеся параллельными курсами на своих машинах Андрий и Павло наверняка бы заметили слежку за Юрком. Поэтому он особо не гнал и тащился до Оперного почти полчаса. Там не без труда припарковался неподалеку от старой кофейни и стал ждать. Минут через пять в боковом зеркале показался Андрий. Пройдя по тротуару, он нырнул на заднее сиденье «Мерседеса».

– Ну что? – спросил Юрко.

– Порядок, «хвоста» не было, и у твоего «мерса» никто не вертелся. А ты как поговорил?

Увидевший приближающегося Павла Юрко сказал:

– Сейчас расскажу...

Павло нырнул на заднее сиденье к Андрию и спросил:

– Договорился?

– Договорился, – кивнул Юрко, после чего рассказал в по-

дробностях о посещении барыги.

Когда он закончил, Павло нервно поскреб пальцами подбородок:

– Так Гарик догадался, что цыган и Кузьняк – наша работа? Зачем ты тогда сделал ему заказ?

– Затем, – прищурился Андрий, – что Гарик уже знал о взрывчатке. Так что Юрко все сделал правильно.

Павло покосился на Андрия и наконец понял:

– Так мы его...

– Да. Он чересчур много думает для барыги. Поэтому придется избавиться от этого недостатка. Заодно наперед обрубим все хвосты в деле с попом...

18

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

– Разрешите? – просунулся в дверь Логинов.

Генерал, подняв на него глаза, кивнул. Виктор прикрыл за собой дверь и с угрюмым видом направился к генеральскому столу. Тот в течение минуты закончил давать указания по разработке какого-то высокопоставленного взяточника, потом наконец опустил трубку и, посмотрев на Виктора, кивнул:

– Ну что, излагай предложения.

– Я их вам законспектировал, для удобства, – сказал Виктор и протянул генералу лист.

Тот несколько удивленно посмотрел на Логинова, но промолчал. Взяв лист, нацепил очки и начал читать:

Начальнику УФСБ по Брянской области

Начальнику Юго-Западного округа

Погранслужбы ФСБ

Секретно

ДИРЕКТИВА

В ближайшее время на территории Брянской области состоится установочный слет православного молодежного движения «Спас», организованный инициативной группой прогрессивных священников Русской православной церкви во главе с настоятелем Свято-Воздвиженского монастыря отцом Вениамином (в миру – Прохором Тубасовым). В слете примут участие более трехсот делегатов-подростков из РФ, Украины и Беларуси.

В то же время из оперативных источников получена информация, что во время посещения слета отцом Вениамином украинские националисты собираются провести в отношении него некую акцию устрашения. В данный момент не установлено, идет ли речь просто о грубом физическом воздействии или же о попытке покушения. Также не установлено, будет проведена акция группой лиц либо исполнителем-одиночкой.

На основании вышеизложенного приказываю:

1) В ближайшее время направить в центральный офис исчерпывающие списки делегатов слета и сопровождающих их взрослых от Украины.

2) Ориентировать всех сотрудников, а также агентуру на установление всех приезжих – с целью выявления среди них лиц украинской национальности с характерным «галицким» акцентом.

3) Немедленно затребовать у областного управления МВД схему охранных мероприятий по линии полиции общественной безопасности на время проведения слета и направить в центральный офис с собственными предложениями по их усилению с учетом угрозы теракта...

Закончив читать, генерал снял левой рукой очки, правой же потер переносицу. Потом сказал:

– Молодец, Логинов. Это то, что нужно...

– Не уверен, товарищ генерал, – покачал головой Виктор. – Намного целесообразней и эффективней было бы снять информацию с владельца ресторана «Бойивка». И уже после этого действовать не в потемках, а осмысленно...

– Я же тебе уже сказал: на это никто не пойдет, – устало перебил Виктора генерал. – А вот что действительно будет эффективно, так это дополнить директиву еще одним пунктом... – Снова надев очки, генерал потянулся за ручкой и дописал на листе еще один пункт, при этом озвучив его: – Для осуществления координации и оперативного руководства антитеррористическими мероприятиями, направленными на обеспечение безопасности участников и гостей слета, направить в Брянскую область полковника Логинова В. П., наделив его всеми необходимыми полномочиями...

Вот теперь все! – сказал замдиректора, расписываясь. – Завтра вылетаешь, Логинов!

19

Украина, Львов

Юрко остановил «Мерседес» на проселочной дороге между двумя полями. Выбравшись из машины, он огляделся. Сзади, за посадкой, виднелся Высокий замок. В округе же, казалось, не было ни единой души. Хотя Юрко был уверен, что это не совсем так.

Данчук покупал у Гарика оружие уже не первый год и поначалу удивлялся, что тот приезжал на сделки сам, без охраны. Но потом понял, что барыга не так прост. Он назначал встречи в тщательно подобранных местах и предварительно из укрытия внимательно изучал обстановку и покупателя. Наверняка через бинокль. Подобная схема была даже безопаснее, чем сопровождение из двух-трех вооруженных до зубов охранников, не говоря уже о том, что этих охранников нужно было где-то найти и содержать.

Поэтому Юрко ничуть не сомневался, что и сейчас где-то притаившийся барыга пристально осматривал через оптику Юрка, а также его машину. Заметив хоть что-то подозрительное, Гарик наверняка смылся бы по заранее выбранному маршруту. И Данчук вел себя так, чтобы у Гарика не возникло даже малейшего сомнения. Оглядевшись по сторонам, он

прошел к капоту «Мерседеса» и задрал его, чтобы остановка выглядела мотивированно. Потом оперся ягодицами о крыло, скрестил ноги и неспешно закурил. С затяжками он не частил, а наоборот, делал большие паузы, подставляя лицо солнышку и шурясь.

И все это вместе взятое сработало. Не успел Юрко бросить окурок на землю и растоптать его кроссовкой, как в его кармане зазвонил мобильный. Учитывая, что Гарик мог продолжать наблюдать за Юрком во время звонка, тот спокойно достал телефон и ответил:

– Да!

– Ты уже на месте? – спросил Гарик.

– Да, а что?

– Да я чуть припозднился, но уже подъезжаю... Там все спокойно?

– Да, – Юрко оглянулся. – Никого.

– Ну, тогда я сейчас!

– Ага, давай, – небрежно бросил Юрко, после чего сунул телефон в карман.

Сложив руки на груди, он принялся терпеливо ждать. Чтобы выбраться из своего укрытия к дороге, Гарику понадобилось около пяти минут. Наконец его неброский «Рено-21» цвета «мокрый асфальт» вынырнул из-за посадки. Юрко повернул голову, но с места не двинулся. И только когда машина Гарика оказалась совсем рядом, он отлепился от крыла и направился к водительской дверце, при этом окинув взгля-

дом пустынную дорогу.

Гарик остановился так, что водительская дверца «Рено» оказалась аккурат напротив водительской дверцы «Мерседеса».

– Что с товаром? – спросил Юрко.

– А что с деньгами? – ухмыльнулся Гарик, не вылезая из машины. Двигатель он, как обычно, не заглушил и скорость наверняка не выключил, так что мог рвануть с места в любой момент, просто отпустив сцепление.

– Деньги вот, – сказал Юрко.

Расстегнув спрятанную под флисовой курткой поясную сумку, он протянул Гарику перетянутую двумя резинками пачку долларов. Гарик взял ее и тут же протянул в окно небольшой брикет в картонной упаковке, на котором косо была прилеплена бумажка с надписью «Герметик универсальный водостойкий». Юрко тут же метнул на Гарика быстрый взгляд, однако тот только ухмыльнулся:

– Это я на всякий случай. Гаишник ни за что не догадается, если увидит в бардачке...

– А! – улыбнулся Юрко. – Кстати, меня один тормознул, когда я с трассы сворачивал. Из-за куста выпрыгнул, как черт из табакерки!

– В смысле, когда ты сюда ехал? – тут же насторожился Гарик.

– Да. Но с ним все нормально. Они, когда в операциях каких-то участвуют, то машины на виду ставят. А эти спрята-

лись специально... Короче, я полтинник с правами дал, гаец с ходу его слизал, как фокусник, и тут же козырнул, даже документ смотреть не стал. Тупо капусту рубят!

– Понял! – успокоился Гарик, снова сосредотачиваясь на долларах.

Для начала он выборочно просмотрел их на предмет подлинности, просвечивая при этом тестером. Потом с ловкостью банковского клерка пересчитал. Юрко тем временем открыл картонную упаковку и заглянул в пакет. Человек, не имевший дела с пластиковой взрывчаткой, мог легко спутать ее с герметиком. Однако Данчук взрывчатку идентифицировал легко и просто.

– Порядок? – спросил Гарик, со щелчком перетягивая пачку долларов резинкой.

– Да, – кивнул Юрко.

– У меня тоже, – Гарик сунул деньги во внутренний карман. – Давай!

Вытянув левую руку в окно, барыга легонько хлопнул на прощание Юрка по ладони и одновременно отпустил сцепление. «Рено» мгновенно стартовал с места, при этом обе руки Гарика не касались ни руля, ни каких-либо рычагов управления. Барыга любил такие фокусы. Его неброский «Рено-21» был отрегулирован до такой степени, что по качественной прямой дороге Гарик мог ехать, не касаясь руля руками, минуту, а то и две.

Юрко проводил отъехавшую машину взглядом, после че-

го прошел к капоту и спокойно опустил его. Потом нырнул на водительское сиденье, закрыл дверцу и наклонился к бардачку.

Гарик обычно ездил на встречи сам, но в данном случае лучше было подстраховаться. Поэтому Андрий с Юрком решили исходить из того, что у барыги мог быть наблюдатель. Чтобы он не засек через оптику звонка Юрка, тот и наклонился в салоне, при этом быстро позвонив.

– Да! – тотчас ответил Андрий.

– В сторону города, свернул влево, деньги во внутреннем кармане, – сообщил информацию Юрко.

– Тогда все! – произнес Андрий и тут же отключился.

20

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

Когда Логинов вошел в кабинет замдиректора, тот сказал по внутренней связи секретарю:

– Меня пока нет, разве что будет звонить начальство. – Логинов тем временем присел. Генерал посмотрел на него и проговорил: – Так! Ну, что? Командировку оформил? Деньги получил?

– Так точно.

– Какие-то проблемы?

– Никак нет.

– Ну, тогда к делу! – Быстро открыв папку, генерал взял

лежавший в ней лист шифрограммы, одновременно надев очки. – Только что принесли ответ львовского резидента по списку делегатов. Через своего человека он прогнал всех фигурантов по украинским базам.

– И?..

– И не обнаружил ни у кого из делегатов никаких «бандеровских» следов в родословной.

– А связей с националистическими молодежными организациями?

– Тоже нет... Смотреть шифровку будешь?

– Зачем? – пожал плечами Виктор. – Я вам доверяю. Да и вероятность того, что среди делегатов окажется «бандеровский казачок», с самого начала была почти нулевой. Туда ведь включали только верующих – из тех, кто начал ходить в церковь еще до того, как появилась идея создания «Спаса».

– Да, – кивнул генерал. – Но на всякий случай надо будет сверить списки с фактическим составом украинской делегации. Если вдруг появятся новые лица, их обязательно надо будет проверить.

– Сделаем, – кивнул Логинов.

21

Украина, Львов

Гарик свернул за посадкой влево и снова увеличил скорость. Как всегда после успешной сделки, он испытывал ни

с чем не сравнимое возбуждение. Тем более что на этот раз сделка оказалась почти в полтора раза выгоднее против обычного.

Гарик был опытным барыгой и поэтому пользовался только надежными каналами поставки товара. В частности, давно имел дело с отставным полковником, раньше служившим в управлении вооружений Западного оперативного командования. Прежде чем выйти в отставку, тот успел по фиктивным актам списания умыкнуть целый арсенал, которого хватило бы, чтобы вооружить до зубов небольшой партизанский отряд. Причем речь шла не только о рядовом стрелковом оружии, но и о том, что Гарик квалифицировал как «оружие массового поражения» – гранатометах, пулеметах и даже огнеметах.

Гарик прекрасно понимал, что автоматы и пистолеты – это одно, а «оружие массового поражения» – совсем другое, поэтому не связывался с ним принципиально. Но однажды все-таки купил у экс-полковника по дешевке килограмм пластика – для личного пользования. У Гарика тогда как раз возникли проблемы с клиентами из Ивано-Франковска, и все шло к тому, что тех придется убрать, чтобы выжить. К счастью, проблемы удалось разрулить бескровно, и купленный за копейки пластик с тех пор пылился в одном из тайников Гарика. Именно поэтому он и решил продать его, но предварительно убедившись, что взрывчатку используют для обычного заказного убийства.

За своими клиентами Гарик, конечно, специально не следил, но уже давно заметил одну закономерность. Через две-четыре недели после того, как Юрко покупал у него какое-нибудь оружие, с применением аналогичного совершалось какое-нибудь заказное убийство. Поначалу на Западной Украине. В последнее же время – как правило, в Восточной Европе. Понять что к чему было несложно. Ветеран УНА-УНСО Юрко Данчук явно переквалифицировался в киллера. И в последнее время вышел, так сказать, на международный уровень. Это несколько беспокоило Гарика – в том смысле, что от доблестной украинской милиции всегда можно было откупиться, а вот с Интерполом этот фокус не проходил.

Но пока что реальной опасности от сотрудничества с Юрком не было. В случае же чего Гарик всегда мог пресечь дальнейшие сделки, сославшись на отсутствие товара. Учитывая все это, барыга пребывал в отличном расположении духа. И у него даже вдруг возникла мысль бросить все и на недельку слетать в Турцию. Не одному, естественно, а с какой-нибудь студенткой...

Но едва Гарик успел об этом подумать, как из-за кустов впереди вдруг вынырнул гаишник и махнул жезлом. Гарик чертыхнулся и сбросил скорость. Дорога, по которой он ехал, была обычной грунтовкой. Гаишник спрятался аккуратно в том месте, где грунтовка пересекалась с асфальтированной второстепенной дорогой. Так что, вообще говоря, предь-

явить Гарику нарушение правил дорожного движения было невозможно. Но заводить себе недоброжелателей среди гаишников при его занятиях было бы большой ошибкой. Поэтому Гарик решил поступить по давно отработанной методе – сперва без перехода на повышенные тона слегка поспорить с ментом, а потом бросить ему кость...

22

Россия, Москва, Лубянка, центральный офис ФСБ

– Ну, тогда с этим все, – сказал генерал, откладывая папку с шифротелеграммой из львовской резидентуры. – Теперь давай обсудим вопрос о выявлении приезжих. Разработанные тобой мероприятия, конечно, правильные, но в них задействованы только сотрудники Брянского УФСБ и погранслужбы. А у них весьма скромная численность. Что скажешь на это, Логинов?

– Вопрос по численности – это не ко мне. Это в профильный комитет Думы, товарищ генерал. Если вы, конечно, не собираетесь меня двинуть в депутаты...

– Это ты уже самостоятельно, через соответствующие партийные органы, так сказать, двигайся... Я тебе о другом толкую. Брянская область – это, конечно, не Подмосковье, но все равно народа тьма. Прошерстить всех приезжих силами только УФСБ при всем желании не получится...

– Предлагаете направить дополнительных сотрудников из

Москвы?

– Нет. В Москве своих проблем хватает, и ты об этом прекрасно знаешь. Я имел в виду – привлечь к установлению приезжих лиц УВД. Полиции-то в Брянске поболее будет. Так почему бы их на время не отвлечь от их исконного занятия – поборов – и не использовать для пользы дела?

– Ну, во-первых, они любое дело будут использовать для поборов, товарищ генерал. А во-вторых, речь же идет фактически о разработке подозреваемых. Менты сперва хватают, а потом уже выясняют, имеет человек отношение к делу или нет. А тут надо сперва по-тихому выяснить...

– Это все понятно. Но несколько тысяч лишних пар глаз и ушей – огромный ресурс! И мы просто обязаны его использовать.

– Хотите честно?

– Хочу, – кивнул генерал.

– Сколько в Москве тысяч ментов, задача которых – отлавливать приезжих без регистрации? И что? Их кто-то отлавливает? Или просто деньги с них берет?

– Так, Логинов, твою мысль я понял. И принял к сведению. А теперь слушай мою. Личный состав УВД Брянской области нужно обязательно задействовать в поисках. Но сделать это нужно так, чтобы они действительно искали, а не поборами с приезжих занимались. И вот над тем, как это сделать, подумаешь в самолете. И свои соображения направишь мне, самое позднее, завтра...

Украина, Львов

Сбросив скорость, Гарик остановил свой «Рено» в нескольких метрах от заезда на асфальтированную дорогу. Тормознувший его гаишник вразвалочку двинулся к водительской дверце. Он был довольно высокого роста, отчего форма была ему слегка маловата.

Ни напарника гаишника, ни их машины видно не было. Однако Юрко своим рассказом невольно предупредил Гарика, так что того это ничуть не насторожило.

Приблизившись, мент козырнул на ходу:

– Инспектор ГАИ Стецкив. Доброго дня!

– Доброго, – кивнул Гарик.

– Документы, пожалуйста!

Гарик протянул автоинспектору документы. Без денег.

Тот мазнул по правам взглядом и сказал:

– А в багажнике вы что-нибудь перевозите?

– Нет, – покачал головой Гарик.

– Покажите, пожалуйста, – махнул рукой с правами гаишник.

– Пожалуйста, – пожал плечами Гарик.

Выбравшись из-за руля, он прошел к багажнику «Рено» и открыл его.

– Так... – сказал гаишник. – Хорошо!

Он уже протянул права, явно собираясь отдать их, но тут вдруг снова скосил глаза в угол багажника и сказал:

– Секунду! Покажите еще, что у вас в ящике.

– Так инструменты, – искренне удивился Гарик.

– Ну, так и покажите их мне, пожалуйста!

– Да без проблем, – сказал Гарик, наклонился и открыл стоявший в углу багажника ящик.

Инспектор наклонился рядом с ним и сказал:

– Разрешите...

Гарик подался чуть в сторону и тут же вдруг ощутил, как его что-то укололо в бок.

– Аххх! – прошипел он, невольно дернувшись.

– В чем дело, водитель? – ухватил его за руку инспектор.

– Да укололо что-то...

– Да? – настороженно переспросил гаишник, глядя сверху вниз Гарику в глаза.

– Или укусило, – сказал тот.

– А, это может быть, – вдруг расслабился гаишник и отпустил руку Гарика. – Хорошо, водитель, вы свободны!

Он протянул Гарику права и, снова козырнув, направился за куст. Гарик закрыл багажник и двинулся к водительской дверце. И тут вдруг ощутил, как у него закружилась голова. Невольно ухватившись рукой за дверцу, он не без труда уселся за руль.

Голова могла закружиться оттого, что он наклонился в багажник. Это должно было быстро пройти. И Гарик откинул-

ся на подголовник. Однако голова не прошла, а, наоборот, закружилась еще сильнее.

– Черт! – вздохнул Гарик.

Его руки и ноги вдруг стали словно ватными. Перед глазами все затуманилось.

В этот момент совсем рядом послышалось:

– Водитель, с вами все в порядке?

С огромным трудом Гарик повернул голову влево и увидел лицо наклонившегося к нему гаишника.

– Я... я... – едва выдавил из себя Гарик.

– Водитель! – легонько коснулся плеча Гарика переодетый в форму гаишника Павло.

Гарик попытался что-то сказать, но уже не смог. Он все еще был в сознании, но самостоятельно двигаться уже не мог.

Павло быстро выудил из кармана тонкие перчатки и натянул их. Потом наклонился к выроненным Гариком на пол правам и вытер с них свои отпечатки. Чтобы следователь, если вдруг дело дойдет до дактилоскопии, ничего не заподозрил, он тут же по-быстрому несколько раз приложил права к пальцам Гарика.

Покончив с этим, Павло сунул права в борсетку барыги, которая лежала у рычага переключения передач, и извлек из внутреннего кармана Гарика полученные за пластит доллары. После чего захлопнул водительскую дверь «Рено» и вылез на асфальтированную дорогу. Машин на ней видно не

было. Гарик сам выбрал для встречи столь неживое место.

Павло достал мобильный и позвонил.

– Да! – тут же ответил Андрей.

– Порядок!

– Понял!

Буквально десять-пятнадцать секунд спустя машина Андря показалась со стороны трассы. Павло, чтобы не терять времени, начал поспешно расстегивать милицейскую куртку. Когда Андрей притормозил, он быстро нырнул на заднее сиденье его машины. Снял куртку, потом стащил форменные брюки. Освободив их карманы, торопливо спрятал форму в пакет и вопросительно посмотрел на Андря:

– Что со шприцом делать?

– Выброси в окно, – сказал тот.

– Держи! – Павло протянул вперед доллары, сам же подался к открытому Андрием правому заднему окну и швырнул через обочину инсулиновый шприц.

Тем самым он избавился от единственной улики, которая могла связать их со смертью Гарика. Не изобличить, а именно связать. Павло впрыснул Гарику курареподобный препарат. Он очень широко применялись при операциях, так что были буквально в любом хирургическом отделении и практически в любой аптеке. Но намного важнее была не доступность препарата, а то, что он в течение четырех-шести часов после введения в организм бесследно разлагался. Именно

это и делало подобный способ убийства практически нераскрываемым. Ведь судмедэкспертиза умерших в самом лучшем случае проводилась на следующий день, поэтому и указывала на «смерть от естественных причин».

Избавившись от шприца, Павло сунул в пакет к форме жезл. Сам по себе комплект формы не мог быть уликой, однако при его обнаружении милиционеры начинали рыть носом землю и тщательно проверять тех, у кого находили форму. Чтобы этого избежать, полминуты спустя Андрий остановился. Вынырнув из-за руля, он забрал у Павла пакет и прошел к багажнику. Открыв его, спрятал форму в тайник. Обнаружить его на дороге без специального оборудования было практически невозможно...

24

Россия, Москва, редакция еженедельника «Звездапад»

– Можно, Корней? – просунулась в дверь Анфиса.

Владелец и шеф-редактор «Звездапада» Корней Фалютин, присев на свой огромный «канцлерский» стол с наружной стороны, разговаривал по телефону.

– Да, конечно, бриллиантовая моя! – кивнул он.

Корней был одет в голубую сорочку с расстегнутым воротом и золотыми запонками. Брюки черные, с отливом. Туфли – на невысоком каблуке, лакированные.

Анфиса сегодня была в блузке и просторных зеленых брю-

ках-комбинезоне с широкими лямками. Притворив дверь, она сунула руки в широкие карманы и неспешно двинулась по мягкому ковровому покрытию к столу.

– Ну, все, – закруглил телефонный разговор Корней. – Я на тебя надеюсь! Не подведи. Жду! – Перегнувшись через стол, он сунул трубку в базу и с улыбкой повернулся к Анфисе. – Привет! С возвращением!

– Привет! – кивнула та. – Спасибо.

Корней картинно развел руками:

– И это все? Ты что, даже не обнимешь своего сатрапа-благодетеля?.. Вымоталась вчера, да?

– Да не то чтобы вымоталась, не выспалась просто, – сказала девушка.

– Ничего, сатрап даст тебе премию и отгул! Отличная работа, Анфиса. Полюбуйся, какую конфетку мы сделали!

С этими словами Корней снова перегнулся через стол и протянул Анфисе свежий номер «Звездопада». На обложке был огромный коллаж. Сверху – церковные купола. Под ними – фото в профиль наклонившихся друг к другу Стаховского и отца Вениамина. Набранный броским шрифтом заголовком гласил: «Не согрешишь – не покаешься!» Подзаголовок, как и положено, был многообещающим: «Тайная исповедь олигарха».

Вытащив одну руку из кармана, Анфиса взяла номер и кивнула:

– Броско! – После чего небрежно бросила газету на стол.

– Так, рыба моя, – почесал указательным пальцем лоб Корней. – Что у нас случилось? Внеплановая беременность, несчастная любовь или экс-бойфренд шантажирует тебя тайно и подло сделанным видео ваших любовных утех? Выкладывай! Сатрап вытащит свою лучшую журналистку из любой беды...

25

Украина, Чернигов

Сидевший за рулем Юрко покосился на часы и сказал:

– Тебе не пора? А то и так уйму времени потеряли...

Андрій медленно затянулся и выпустил дым в окно. И только потом проговорил:

– Спокойно. Не получится тут, поедем к другой...

Юрко молча вздохнул. Потом все-таки не выдержал:

– Да я бы за это время...

– У тебя еще будет возможность себя показать, – перебил его Андрій.

Сунув сигарету в рот, он вынырнул с заднего сиденья и, прежде чем захлопнуть дверцу, негромко бросил:

– Все как договорились.

Юрко кивнул. Хомив направился к длинному ларьку. Пройдя за ним, он вышел с другой стороны и свернул. Если бы сейчас Андрія вдруг случайно увидел кто-то из львовских знакомых, он бы наверняка решил, что ошибся. Точнее,

что это просто какой-то другой человек, очень похожий на Андрия. От львовской стильности не осталось и следа. Хомив был одет как человек толпы. И вел себя как человек толпы, ничем не примечательный и незапоминающийся.

Направился он к входу в рюмочную-забегаловку. Вход располагался сбоку у здания продуктового магазина, представляя собой невысокое крылечко. На нем стояли двое местных выпивох-«быков» и картинно прощались:

– Давай, братан!

– И ты, брат, давай!

Андрий остановился. Прощавшиеся «быки», чтобы поддержать свою марку, и не подумали дать ему дорогу, а наоборот, еще раз обнялись. Хомив спокойно ждал. Ведь сейчас он был не Андрием, а дальнобойщиком Витьком, который со шпаной не связывался.

Наконец «быки», получив свою дозу адреналина от ощущения собственного превосходства на крыльце занюханной забегаловки, в обнимку сошли вниз. При этом один из них толкнул плечом посторонившегося Андрия. Тот сделал вид, что не заметил этого.

Быстро взойдя на наконец освободившееся крыльцо, он толкнул дверь и нырнул в забегаловку. Воздух в ней был спертый, прокуренный и затхлый. И больше чем наполовину состоял из табачного дыма. Сквозь его клубы внутренности рюмочной освещали четыре казавшихся тусклыми светильника.

Андрей двинулся к стойке, заодно приглядываясь. В рюмочной было около двух десятков человек. Большие компании и клиенты, по которым было видно, что они женаты, Андрея не интересовали.

За стойкой стояла, что-то протирая, мужеподобная тетка в обычной одежде, без намека на какие-то там униформы. Андрей подошел и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.